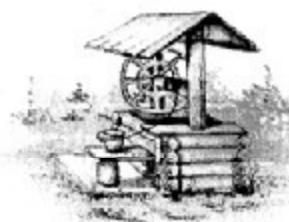

Зинаида Чалунина

ЗА РЕКОЮ СОЛОВЬИ

Повесть, рассказы, стихи

Рисунки Л. Чалуниной

Кострома, 2001 г.

Почему я пишу? Из опыта всей жизни, из опыта многолетней работы в школе я вынесла твердое убеждение: нет лучше средства воспитания души и чувств, чем книга. Да ведь и пережито, и перечувствовано столько, что однажды подумалось: может, это кому-то покажется интересным, в чьих-то сердцах найдет отклик.

Все прожитые годы, с детства и до настоящего времени, у меня, к счастью, во многом связаны с деревней. Там все иначе, чем в городе: проще и добре людьи, спокойнее и неторопливее ход времени, ярче весна и теплее лето, там есть возможность наблюдать чисто русские характеры.

Я ни в коей мере не навязываю кому-либо свое видение мира. Со мной можно соглашаться и не соглашаться. Но хотелось бы просто и задушевно сказать всем словами С. Есенина: посмотрите, «как прекрасна земля и на ней человек»!

З. Чалунина

Костромская областная писательская организация, 2001 г.

Осенние теплинки

ПОВЕСТЬ

Прудок

Родные места

Маленькая Анюта с бабушкой и тетей Натальей живет в деревне, лучше которой нет, конечно, ни одного места на земле. Только здесь гремят такие раскатистые грозы и встают на небе такие крутые и веселые радуги. И можно сколько угодно шлепать босиком по теплым лужам после дождя, и бегать в Лески за земляникой, а в Васютину – за грибами. Есть еще Ближние и Дальние кустики, куда весной девочки ходят за фиалками и ландышами; есть Мешково болото с голубикой и мягкими мховыми кочками, на которых по осени рдеет румяная клюква, есть кузница, а за ней – поля и луг, с четырех сторон окаймленный орешником. Есть, наконец, родная изба, и старая ветвистая береза у окна, и низенькое крылечко, на котором так хорошо посидеть с бабушкой и кошкой Дащей. А если взобраться в огороде на высокую рябину и посмотреть на север, увидишь далекий синий разлив Волги.

Другие деревни не такие. Вот Иванково. Скучные два порядка домов – и все. А в Новинках словно кто-то большой взял дома и разбросал их в разных направлениях. Там – уочка, здесь – рядок, а там – вообще два-три дома. Сирень под окнами, черемухи за огородами. И если кто-то впервые пройдет через деревню в Приволжск, например, городок в двенадцати верстах, то он обязательно остановится посередине в недоумении: куда идти? На все четыре стороны – дороги и тропинки, пока не спросишь, не знаешь, по какой идти.

Но спросишь – и объяснят подробно и охотно, а ребятня даже проводит за околицу: вот же, через поле на Михино и дальше.

Зарево электрических огней над Приволжском темными осенними и зимними вечерами хорошо видно от крыльца Аньютиного дома.

А в их деревне и во всех окрестных деревнях электричества нет. Есть керосиновые лампы, которые в каждом доме обычно висят в кухне над большим столом. За ним собираются завтракать, обедать и ужинать семьи, почти во всех много детей. Поэтому жить в деревне не скучно. А для Аньюты она – целый мир.

На усадах за огородами пруд выкопали давно, Анюта даже и не помнит когда. Надеялись, что будут пользоваться его водой и для поливки огородов, и для стирки белья, и, не дай бог, конечно, в случае пожара. Но, видимо, что-то не рассчитали, и воды в нем набиралось мало даже при таянии снегов, а слабенькие ключи на дне постепенно затянуло илом; пруд не чистили, все было недосуг из-за вечной деревенской спешки с работами. Со временем пруд задичал, зарос чередой, лопушкой. В начале раннего лета, пока вода не ушла, в нем, правда, можно было детьворе и поплавать, что и делали с удовольствием, но и с боязнью, так как приходилось, входя в воду, ступать в вязкий противный ил, а плавая, постоянно ощущать, как за живот цепляются водоросли. Неприятно!

Но Аньута любила прудок во все времена года и часто прибегала сюда одна. Никто не мешал смотреть и думать.

Весной в прудке кишило несметное количество коричневых блестящих головастиков. Наблюдать за ними очень интересно. Аньута подолгу могла следить за их мельтешением. «Надо же, – думала удивленно, – из таких вот шариков с хвостиками вырастают большие лягушки. Они могут выплыть на берег, прыгать, квакать! Как все это происходит? Когда?» Она наклоняется к воде, складывает ладошки ковшом, зачерпывает головастиков. Они шевелятся, им тесно, они щекочут руки.

Аньуте смешно. Но вот вода уходит сквозь пальцы, и шарики беспомощно замирают. Спинки их тускнеют, они словно худеют на глазах, и Аньуте кажется, что головастики разевают крошечные рты и кричат беззвучно: «Отпусти, отпусти!» Девочка поспешно погружает руки в воду. Головастики вздрагивают, бросаются врасыпную. Пусть живут!

Немного позднее прудок гремел гортанными лягушечьими песнями. Летом густыми травами и цветами обрастили его довольно высокие берега. Зимой с них катались на санках. Но самое интересное творилось на нем поздней осенью...

Ледыши

Предзимье. Хмурое небо. Иней на траве. А потом и снежок ее прошивает, и становится она хрусткой, жесткой. Все холоднее.

И вот однажды бабушка будит Анюту:

— Вставай, Анюта! Никак на прудке лед поспел. Бегут ребята с топориками.

Наскоро позавтракав, Анюта поспешно отыскивает ржавый тяжелый топор. Хорошего бабушки не дала.

— Нет уж! Сколько раз топоры топила. Этот хоть не жалко будет.

Анюта не против, лишь бы рубил. А вырубить хороший ледыши непросто. Особенно когда ты девочка, а все хорошие места на прудке уже заняты мальчишками. И мерзнут руки. И ледышки неправильной формы выходят — кособокий какой-то, а надо, чтобы он был овальным, с ровненькими краями, без трещин. Иначе разлетится после первого пробного катания с горы.

Присев на корточки, Анюта старательно тюкает топором по льду. Вот уже с одного краешка и вода начинает хлюпать. Ледышки вообще-то приличный получается. Хоть бы побыстрее!

Анюта изредка посматривает на девчонок вокруг. Многие уже вытаскивают ледышки из лунок. Счастливые! И вдруг топор, сорвавшись, ударяет по ледышке и откалывает от него целый кусок. У Анюты даже в глазах темнеет. Все! Не будет больше ледышки! Уже и сил нет, и чистого льда не найдешь. Одни лунки и лунки кругом.

Мальчишки постарше давно сидят на берегу на ледышках, разговаривают, незаметно наблюдая, как там управляетя мелюзга. Один из них, сплюнув, говорит небрежно:

— Ха, одна уже слезами лед растапливает! Как бы всем нам не утонуть...

Тогда вроде нехотя встает Гена Листов, сын учительницы, и идет к Анюте.

— Ну, что разнюнилась? — с досадой говорит он, подходя.

— Лезут не в свое дело, а потом ноют. А топор-то! Как дубина первобытная!

Анюта встала, посмотрела на него виноватыми глазами и ничего не ответила. А на душе полегчало. Она радостно засуетилась вокруг Генки, который проворно заработал своим острым топориком. Только звенящие льдинки полетели по сторонам...

Когда ледышки вытащили из лунки, Анюта схватила его красивыми от холода руками, но почувствовала: не донесет до дома.

— Ладно уж, пойдем — донесу, а то еще примерзнешь к нему! — сказала Генка.

Они пошли, провожаемые хихиканьем девчонок, которые просто умирали от зависти, и свистом мальчишек. Но Анюте ни до кого не было дела! У нее есть ледышки! И она, успокоенная, семенила за Генкой, не поднимая глаз от его разношерстных, подшитых валенок.

Поев и отогревшись на печи, Анюта приступила к не менее важному этапу усовершенствования ледяных санок. Ведь не будешь таскать ледышки на руках в гору. Тяжело и неудобно. Значит, надо проделывать в остром его конце отверстие для бечевки.

Этот трудоемкий процесс совершался при помощи теплой воды из самовара и обыкновенной соломинки из обмоловченного спона. Анюта, полив чуть-чуть воды, встала на колени и начала усердно дуть через соломинку на лед. Забулькало. А вскоре образовалось крохотное углубление. Было холодно и неудобно стоять на земле на коленях, и Анюта подстелила соломы. Стало теплее, мягче, дело пошло быстрее.

И вот, наконец, соломинка, пройдя через отверстие во льду, уткнулась в землю. Уф-ф!.. В довершение всего Анюта сделала топором небольшое углубление на ледышке, чтобы не слетала подстилка из половичка, когда она будет съезжать с горки.

Анюта сбегала за прекрасной прочной бечевкой, которую ей приготовила бабушка, просунула кончик в отверстие ледышки, завязала двумя узлами и повозила ледяные санки по заснеженной траве. Все, завтра на горку! Она спрятала свою драгоценность в угол сеней.

Как быстро прошел ноябрьский день! Вот уже и сумерки. Бабушка затопила на кухне подтопок. В окнах соседних домов замелькали огни керосиновых ламп, зашевелились тени на занавесках.

Пора домой!

Картошка

Бабушка спит на кровати в кухне, тетя Наталья — в горнице, а Анюта — на печке. Уютно, тепло. Но до больших ходов, экономия дрова на долгую зиму, бабушка топит мало, и к утру печка остывает, в избе становится прохладно.

Анюта озябла. И не в первый раз ей приснился сон...

Ветреный весенний день. На небе тучи, дождь прорызгивает. Серо и уныло.

Семилетняя Анюта еле идет за старшими девочками, с трудом вытаскивает ноги из вязкой грязи. На правом валенке каюша держится слабо, и она боится ее потерять. В одной руке у Анюты лопата, в другой ведерко, в нем десятка два картофелин, прошлогодних, больше похожих по цвету на комки земли. Есть и желтоватые, которые получше сохранились под снегом, только их очень мало.

Конца нет раскисшей полевой дороге. Хочется есть. Ведерко тяжело оттягивает слабенькую руку. Но Анюта рада, что оно не пустое. В деревне голодно. Спасают лепешки. Чашка молока, горсточка муки, если есть, а то и без нее, и такая вот картошка.

Лепешки получаются тяжелые, темные, пресные и сухие, не глотаются, встают в горле. Но все же лучше, чем ничего. Вот, наконец, и первые избы. Анюта свернула на тропку в прогоне, и здесь ее встретила бабушка, из окна выглядела.

— Птаха ты моя милая, иззябла вся, скорее, скорее в избу, на печку!

На печи Анюта прижалась к горячим кирпичам, накрылась бабушкиной шалью, стала согреваться.

— Поешь-ка, — подошла к печи бабушка.

— Бабушка, миленькая, — заплакала Анюта, — не надо лепешку, не могу я ее есть!

— Да ты погляди, потяни, какая лепешка-то, — топталась возле печи бабушка. — Сережка приходил, тебе гостинец принес.

Анюта подняла голову, сквозь слезы посмотрела в плошку, которую ей бабушка протягивала. И — обмерла! Что-то золотистое, как ей показалось, лежало в плошке, что-то сытно и душисто пахло. Она взяла плошку, поставила ее на колени, и зажмурилась, и вдохнула запах, и только сейчас поняла, что пахнет льняными семечками! Вот почему блестит лепешка — она же из семечек, маслянистых, полузыбьтых.

— Ба-а-бушк-а! — снова заплакала девочка теперь уже от радости ...

— Анюта, Анюта! — тревожно зовет снизу бабушка. — Ты что же плачешь-то? Опять лепешки картофельные приснились? Ну-ну, забывай-ка их, пора, два года прошло! Теперь уж не пропадем, теперь и жить не страшно!

* * *

В этот год картошку начали копать в середине сентября.

Колхозникам на трудодни досталось ее немало, да и на своих участках собрали достаточно, так что должно было хватить до нового урожая. Хлопотное это время. Управиться с уборкой старались до дождей, пока ветерок да солнце золотого «бабьего лета» в погожие дни хорошо просушивали клубни. В дом картошку не заносили, грязи лишней не таскали. В подвалы ее

спускали через прямоугольное окошечко в стене дома по желобу-лотку.

Тетя Наталья на работе. А картошки у лотков целая гора. И бабушка с Анютой спешат, спешат до темноты ее убрать. Бабушка выбирает крупные клубни, на еду, и спускает в одно окошечко. Анюта — семенные, помельче, на будущую посадку — в другое. В подполье есть дощатая перегородка, и клубни не смешиваются. Старый да малый. Не очень-то скоро идет работа. Но бабушка приговаривает:

— Не жалей силенок, внучка. Выкопали мы картошку, спаса богу, посуху, ложится она теперь на покой, в темноту, гнить не будет. И ей хорошо, и нам радость. Не зря ведь говорят: не тот урожай, который в поле лежит, а тот, что домой прибежит. Всю зиму она нас кормить будет. Вот сделаем это дельце — и отдохнем, самовар поставим к ужину. Выспишься, а завтра, глядишь, и на теплинку сбегаешь.

И Анюта, слушая глуховатый добрый бабушкин голос, старается вовсю. Сегодня хочется закончить с уборкой, потому что завтра, действительно, в Березках вспыхнет первая в эту осень теплинка.

Теплинки в Березках

Свою жизнь без Березок Анюта, как, впрочем, и все деревенские ребятишки, просто не представляла. Это было для них совершенно необходимое место. Близко, сразу за огородами, где начинаются колхозные поля. Два ряда берез образуют прямой угол и закрывают от северных и западных ветров большую поляну. Здесь-то и кипит ребячья жизнь от первой травы до первых снегов.

Сначала собирали свежую зелень: тонкие высокие перья дикого лука и трехгранные — чеснока, кислый щавель на щи; потом сладкую матрешку. Все шло, все являлось подспорьем для пищи в эти не слишком сытные послевоенные годы.

Прозрачными весенними вечерами ловили здесь майских жуков. Анюта складывала их в коробки из-под спичек и в жестянные баночки из-под леденцов, а утром скормливала курам. Только хруст стоял, только щелканье слышалось. Летом в густой траве находили сладчайшую дикую клубнику, а потом валились среди цветов пахучего клевера и смотрели на длинные белые облака. Осенью пекли в теплинке картошку.

Ах, какие это были восхитительные дни! Даже про уроки забывали!

Еще бы! После школы не было ни минутки свободной. Во-первых, надо искать топливо: щепки, палки, старые колышки от изгородей, прутья. Во-вторых, готовить пропитание: свою долю картошки, репу, морковь. На чужой каравай рот не развой! С пустом приходить стеснялись.

Спешили, как на праздник! В общую кучу складывали картошку, в другую — дровишки. После долгих споров выбирали кострового, и тот важничал весь вечер: следил за огнем, закладывал в горячую золу картошку, а потом специальной железной кочережкой выкатывал ее, аппетитно пахнущую, из костра, похаживая, баском, покрикивая на мальцов, слишком близко сунувшихся к пламени; зорко смотрел, чтобы прогоревший костер тщательно забрасывали землей, весь, до последней искорки. Потому и спорили: костровым хотелось быть каждому мальчишке.

В ожидании печеной картошки садились вокруг тесным кружком, хрустели морковью и репой. Разговоры, смех, игры, недолгие ссоры и примирения. Чумазые рожицы, веселые глаза!

Никто не скучал в эти вечера! И матери были спокойны, не искали своих чад по деревне, знали: все на выгреб у теплинки.

Анютка засыпала счастливая и не знала еще тогда, что этот огонек из детства будет потом светить ей всю жизнь.

Теплинки кончались с первыми серьезными холодами, где-то около Покрова, годового деревенского праздника.

Мама

В избе тихо, просторно, а недавно еще негде было повернуться. Был жив дедушка, жил дядя Сергей со своей женой Нюрой и маленькой Сашей, тети — Наталья и Люся. И мама с Анютой и Толиком были вроде лишние здесь.

До войны мама и папа жили в Ленинграде, там родились Анютка и Толик, потом они были эвакуированы, мама приехала с детьми в родную деревню, а папа погиб на фронте. Дядя Сергей был недоволен приездом сестры с детьми...

В тот вечер он пришел пьяный, и в который уже раз разразился скандал.

— Все им, все им, эвакуированным! А моему Сашке молока не вдоволь достается! Жалко, видите ли, их всем! Пусть убирается куда хочет, — орал он, не стесняясь, что у дома собираются любопытные. Он сильно хлестнул Анюту портняжкой, полез с кулаками на маму. Толик испуганно закричал.

Дедушка, больной, на костылях, после того, как все утихомирилось, сказал негромко всхлипывающей в углу маме:

— Уходила, бы ты, Нинушка, куда-нибудь. Из-за вас грех идет. Иди в Фурманов. Там есть наши, деревенские. Сначала к ним пристанешь, а там видно будет. Все равно этот ирод тебе житья не даст. А я, видишь, какой защитник.

И мама, взяв маленького Толика, ушла в город, поступила работать на ткацкую фабрику, устроила сынишку в садик. И вот уже четыре года мается по частным квартирам. Все эти годы она таскала в семью, где осталась дочь, хлеб и песок, муку и деньги для уплаты многочисленных крестьянских налогов.

Тетя Люся вышла замуж в село Ильинское. А потом умер ледушка. Дядя Сергей с семьей уехал в Капустино, где жили родители жены. Тихо стало и просторно в избе. Но мама так и не думала возвращаться. Привыкла к работе, от фабрики обещали дать комнату. Тогда и Анюту собиралась забрать.

Анютка звала мамой бабушку, та откликнулась, что сделаешь.
— Богатая ты, Анютка, — говорила мама, когда приходила на выходные. — Кто еще похвалиться может двумя матерями? Только ты...

* * *

Анютка болезненно переживала разлуку с мамой. В глазах ее, не по-детски серые, с тех пор притаилась грусть. По натуре общительная, она, конечно, принимала участие во всех играх детей. Но и одиночество не тяготило ее, когда она оставалась без шумной ватаги сверстников. Она любила тропинку среди льняного поля за деревней, особенно когда лен цвет и смотрел на нее бесчисленными синими глазками; по меже уходила далеко в рожь и приносila домой букетики васильков. Цветы она ставила в глиняный кувшинчик на окно, обращенное на иванковскую дорогу, на запад, здесь они дольше не вяли от солнца.

В Березках любила забираться высоко на дерево и смотреть с замиранием сердца на открывающийся простор.

— Анютка, да можно ли, как парнишке, на березы лазать? — выговаривала бабушка, ломая ветки на веники. — А неровен час, увидят! Засмеют. У деревни везде глаза да уши.

— Не засмеют! — беспечно откликнулась девочка. — Я же тогда взбираюсь, когда нет никого кругом. Не бойся, бабушка!

А еще любила Анютка петь. Голосок тоненький, все мелодии выводил верно. А уж книг прочитала! И в школьной библиотеке, и не ленилась бегать во Владычное, село в трех верстах от деревни, где в колхозном клубе была читальня.

— Чудная девчонка растет у Малковых, — не раз говорила Вера-матушка у колодца. — Вчера иду с работы, а она опять над прудком сидит, с книгой. Моих-то вон неужто засадишь летом за книжку? Не иначе как учительницей будет.

— Будешь чудиой, — со вздохом отзывалась соседка тетя Граня. — Без матери, без ласки. Мать-то никто не заменит.

На последней парте у окна

Ребятишкам Новинок повезло: начальная школа была в их деревне, в бывшем помещичьем доме. Старинное каменное двухэтажное здание стояло в центре на пологой горке. Зимой с этой горки можно прокатиться на санках до самого нижнего пруда.

Классы наверху, а две комнаты нижнего этажа занимали учительницы, Фаина Ивановна и Вера Константиновна.

В школу ходили дети еще из трех деревень: из Иванкова, Микшина и Горок. Пешком ходили. Только в очень морозные или метельные дни их привозили и увозили на колхозных лошадях. В такие дни Анюта досежала до дома, а то и до Большого камня, с иванковскими ребятами. Там, где дорога сворачивала вправо, в кусты, лошадь останавливаласи, и дед Павел говорил:

— Беги, Анюта, домой, а то волки заедят!

— Не заедят, дедушка! Вон деревня-то, близко, — смеялась Анюта, выбирясь из саней, а сама — бегом до дома!

В школе Анютино место — на последней парте, у окна. Очень удобно, всю деревню видно. Класс большой, парты стоят в четыре ряда. Два — для четвертого класса, два — для второго. Всем окон, небольших, но в классе светло, тепло и чисто. Тетя Граня, школьная техничка, печи топит и полы моет со старанием.

Анюта во втором классе. Задания быстро выполнила — и слышит, что Фаина Ивановна объясняет четвертому. А там урок географии, цветная карта на доске, моря, города, желтые пустыни и зеленые леса. И так хочется подойти с указкой к карте и подсказать маме Бориске Егорову, который опять ничего не выучил.

* * *

После уроков учительница оставила девочек и стала с ними разучивать «Танец снежинок» к Новому году.

— Постарайтесь, девочки, найти белые платьица, — попросила она, когда несколько раз и песенку спели, и протанцевали. — А если нет, может, мамы сошьют рубашечки простенькие.

Анюта бежала домой со всех ног.

— Бабушка! Тетя Наталья! Наряд нужен! — выпалила она с порога.

— Ты не замуж ли собралась? — засмеялась тетя.

— Да нет же, нет! На елку, танцевать!

Пошли сундук перерывать. Из марли? Нет, наденешь раз

— и больше никуда не сгодится. Из сурьи? Грубо, да и не отбелен холст. А вот из миткаля, что мама принесла, пожалуй, будет хорошо. Летом еще и побегать в нем можно по жаркому времени. Через неделю платье было готово. Анюта успокоилась.

Одна неделя

Анюту проснулась, свесила голову с печки, зажмурилась от солнца, которое зажгло морозные узоры на кухонном окне, и сообщила возвившейся у шестка бабушке:

— А ведь через неделю Новый год, 1951-ый! Ты помнишь ли, бабушка?

— Ну как же не помнить, небось опять озорничать будешь?

— Будем, будем! Смотри же, золу из печки не выбрасывай на грядки в огород, в ведро складывай.

— Ладно уж, — проворчала бабушка, — припасу, а ты давай-ка одевайся да завтракай, а то и в школу опоздаешь.

Да как же она забыла! Сегодня после уроков четвертый класс идет в Васютино с лесником дядей Осипом. Елку выбирать! А завтра, и послезавтра, и всю эту неделю новинковские ученики будут клеить из бумаги цепи, вырезать фонарики; да не забыть бы шишек сорвать с елки, правда, высоко, хоть штучки три, больше нельзя, надо оставить белкам, дятлам, об этом дядя Осип говорил недавно на собрании; обернем блестящей бумагой от чая — вот и игрушка; а на окна снежинки из ваты на ниточках повесим; и подарки получим!

Все это вихрем пронеслось в голове у Анюты, пока она торопливо одевалась, ела, обжигаясь, картошку с льняным маслом, пила чай.

— Бабушка, а ты пойдешь на школьную елку? Ну, пожалуйста! Все придут из нашей деревни, и из других приедут. Я, представляешь, танцевать буду, и петь, и басню рассказывать. Подарки учительницы из района, говорят, привезли уже, даже яблоко живое в каждом, зимой, яблоко!

Последние слова Анюты прокричала уже из сеней. Заскрипело крылечко. В боковое окно бабушка смотрела вслед внучке. Закутанная в платок, в коротком пальтишке, в подшитых валенках, девочка вприпрыжку бежала по узкой тропинке, размахивая сумкой с учебниками.

— Вот ведь сколько забот да радостей! — вздохнула бабушка. — Что значит детство. Хоть и не сильно сытое, да привольное, и то дело. В лес, виши, пойдут с Осипом Ивановичем. Уж он их поводит по сугробам-то, пока елку подходящую найдут. Сам и срубит потом, и привезет, ему не впервый. Только бы дочь из города пришла на выходной, ждет Анюта мать-то, скучает.

Елка в школе

30 декабря 1950 года в школе вымыли полы, нарядили елку, поставили длинные скамейки для зрителей, отгородили простыней уголок для артистов.

Учительницы разложили в пакеты гостиницы, за ними ездили в район, в Нерехту; попросили тетю Граню испечь каждому ученику по большой белой булке. Муку выделил колхоз. Пакеты расставили на широких подоконниках красивыми горками.

А тридцать первого к двенадцати часам дня в школу собрались и стар и мал, приехали из других деревень, приплелся даже дед Павел из Иванкова. Всем хотелось посмотреть концерт, оценить елку, да и друг на друга глянуть, словом перекинуться. Зимой не сядешь на завалинке, не посудачишь. А здесь – самое милое место. Рассаживались, переговаривались, рассматривали и хвалили самодельные игрушки на елке. Артистов не торопили, никто никуда не спешил. Праздник!

И он начался! По знаку Фаины Ивановны ребяташки повели вокруг елки хоровод. Все вместе, и зрители тоже, кто как мог, спели «В лесу родилась елочка», а потом и еще несколько новогодних песен.

Ребята читали стихи. Показывали маленькую сценку по басням Крылова. А потом деревенский гармонист Шура Щербинин заиграл вальс, и к елке выпорхнули девчонки в белых платьях и белых платочках.

Зрители ахнули! Никто раньше никогда не видел такого танца!

Девочки, худенькие и длинноногие, сходились и расходились, кружились и приседали, показывая, как летят, как ложатся на землю снежинки; складывали ладошки на коленях и опускали на них головки, изображая, как сладко и спокойно отдыхают уставшие снежинки на пухлых мягких сугробах. И песенка звенела.

Мы, белые снежиночки,
Собрались все сюда,
Летим мы, как пушиночки,
Холодные всегда.
Вот эта тучка серая –
Она была наш дом,
С нее мы опустились,
И здесь мы отдохнем.
Прилечь на землю хочется,
Но ветерок-злодей
Все дует-подувает,

И все сильней, сильней!
Мы утомились!
На землю ляжем,
Отдохнем, отдохнем...

Анюта, едва касаясь ножонками пола, старалась кружиться легко и красиво. И пела. И действительно чувствовала себя маленькой-маленькой, легкой-легкой, белой-белой снежинкой.

Под одобрительны гул, хлопки раскрасневшиеся девочки скрылись за простыней- занавесом.

После концерта и игр все школьники получили пакеты с гостиницами. Радости было!

А тем временем в окнах стутилась вечерняя синева. Детей из других деревень увезли по домам, а новиковские еще остались в школе посмотреть, как будут танцевать взрослые парни и девушки. Единственный праздник – Новый год – Фаина Ивановна разрешала им провести в школе.

Перед тем как забраться на теплую печку спать, Анюта пробежала через темную горницу и выглянула в окно. Высокие сугробы голубели под луной. Ее яркий круг висел над избой, над старой бересой, над деревней.

– Здравствуй, Новый год! – прошептала девочка и по лесенке полезла на печку.

Рождественские дорожки

Анюта, мама и тетя Наталья сидели на печке, а бабушка улеглась на кровать. Большую лампу погасили, и при свете крошечного гасика, в уютном теплом полумраке Аниюта, снова переживавшая прошедший праздник, с жаром рассказывала:

– Как нам хлопали, мама! После детского концерта взрослые девушки выступали. И поет же Настя! А какая она красавица! У нее косы просто золотые, а глаза синие! А бригадир Иван Петрович даже плясал, по-матросски, «Яблочко»!

– Вот-вот, яблочко, а ты длинноногая, как цапля, и платье снежинкино я тебе чуток длинно сшила, – посмеиваясь, поддразнила тетя.

– И что из того? Левушка все равно сказал, что я всех красивее танцевала, вот так!

– Еще бы, Левушка! Он же дружок твой! Не забудь сказать девочкам да парнишкам, чтобы они тайну вашу не выдавали, а то положат, смотри, дорожку из золы от нашего дома до Левушкиного, как от невесты к жениху.

– И пусть положат! – засмеялась Аниюта. – И пусть! Только бы метель не разыгралась.

* * *

В сумерках в окнах зажглись огоньки. Над трубами поднимались высокие столбы дыма – топили подтопки на ночь, ужинали. Ближе к вечеру парни и девушки ушли на вечеринку в Горки. Луна всходила.

В окно Аньоте стукнули. Она молча выскользнула на крыльцо.

– Пора! – шепнули Левушка с Аленкой. – Все уже собрались у прудка. Золу захвати.

Совещались недолго. От Шуриного дома до Настиного – раз. У них свадьба на днях. От Володиного – к Марусе, они давно гуляют. От Николая – к дому Ниночки ряжей – три.

– Не надо, – послышался простуженный голос, – наша Нинка с ним чего-то поругалась, обидится на нас.

– Да ну! – удивились. Притихли.

– Не поймешь этих взрослых, гуляют, гуляют, потом разбегутся, – сказал Миша. – Ну, на худой конец, давайте от Левушки до Аньотиного дома. Аньота, не обидишься? А то золы много, а пар молодых чего-то нынче мало.

– Давайте! – разрешила Аньота.

Что началось! Пыхтенье, сопенье, смех, звяканье ведер! Через час по чистому, искрящемуся под луной снегу протянулись по деревне серые тропы из золы. Разбирайтесь, люди добрые, угадывайте, кого кто любит! А от Левушкиного дома к Аньотиному золы не хватило, на полупути закончилась. Что делать? Плохнулись, разгоряченные, кто прямо в снег, кто на пустые ведра.

– А давайте поленницу у кого-нибудь разберем, поленьями выложим!

Шепотом прокричали ура! – и за дело. Половину поленницы у Володи-майора вмиг растаскали, целую мостовую сделали. Миша, дурачась, запел: «По мосткам тесовым вдоль деревни ты идешь на модных каблуках...» Вволю нахочатавшись, решили расходиться. В избах уже ни огонька не было.

* * *

– Аньота, вставай, шум в деревне, – будила бабушка.

– Из-за чего? – сонно откликнулась девочка.

– А все из-за ваших проказ. Нашлепать бы вам по мягкому месту, чтобы не совались в дела взрослых. Володя-майор с женой дрова собирают, во двор заносят, обещают кое-кому уши оборвать. А Николай, бабы у колодца сказывали, выпил ради Рождества да кричит по деревне, что, мол, до моей Нинки тропы от меня нет, она что, другого нашла? Да к ней, разбираться... Ну, Аньота, попадетесь когда-нибудь под горячую руку! А «славить-то» пойдете ли?

– Пойдем.

Послевоенные годы – непростое время. Высокие налоги с

крестьянских дворов – сдавай молоко, мясо, шерсть. Жили впроголодь.

– Бабушка, – помолчав, спросила Аньота, – почему ребята из Горок всегда приносят на завтрак колобки из пшеничной муки, а у нас и ржаной нет?

Бабушка, опасливо оглянувшись, словно кто их услышать мог, сказала:

– Председатель у них похитнее нашего, есть у них где-то в лесу полько тайное, они его засевают пшеницей, а зерно колхозникам осенью раздают, начальство-то и не знает об этом. Вот они и с хлебом. Смотри, не проболтайся кому.

– Бабушка, а как же быть? К нам в дом тоже «славить» придут, а у нас и дать нечего.

– Найдем. Ячменную лепешку я испекла.

«Славить» – ходить по домам под Рождество, величать хозяев, желать дому благополучия, достатка – не просто игра, обычай, забава, но и возможность просто сытно поесть. И вот вечером ребятня с мешками, мальчики – в один конец деревни, девочки – в другой, отправилась на промысел. Вежливо стучали в дверь, вваливались, напустив морозного воздуха, в дом, потоптавшись у порога, нестройно пели:

Рождество на дворе,
Вся земля в серебре,
Мы хозяев и их деток величаем,
Всем здоровья и веселия желаем.
Чтоб скотинушка у вас приплод давала,
Чтоб собачка нас за пятки не кусала...

Детей ждали, готовились, даже в самой бедной семье припасали кто что мог: несколько кусочков сахара, калачик, хлеб, пареную свеклу, пирог с картошкой, иногда рублик. Выслушивали «славу», благодарили, бросали в мешок гостинец.

Больше всех Аньота робела перед домом тетки Насти Серебряковой. Все у них были взрослые, в доме чисто, пестрые половицки, по углам фикусы в кадках. В достатке жили. Напротив входной двери – зеркало на стене. В нем отражались смущенные рожицы девчонок, бедные одежки, а самое главное – с печи на них глазели, ехидно подмигивая, сыновья тетки Насти, семнадцатилетние парнищи, здоровые, краснощекие. Тетка специально на это время загоняла их на печь, задергивала занавеску, но они ее отдергивали и хихикали.

– Цыц, балбесы! – замахивалась на них мать.

А еще были в их доме высокие пороги, и кто-нибудь из девочек обязательно, зазевавшись, влетал в кухню через порог кубарем. Тогда уж «балбесам» хватало веселья на весь год, до следующего Рождества.

В кухне вкусно пахло. Выслушав детей, тетка Настя снимала льняное полотенце с решета – и в мешок летели белые, из чистой муки, булочки.

На улице ждали мальчишки. Деловито сравнивали, чей мешок больше, богаче.

– Рублиki побросали? – спросил Миша. – У нас тоже есть. Завтра на лыжах слепаем с Левушкой в село, в магазин, купим кедровых орешков. Ага?

– Конечно, – сказала Анюта, – а потом все к нам, бабушка самовар поставит, только кружки свои принесите, у нас не хватит.

Засыпала Анюта под теплые молитвы бабушки и всю ночь летала под звездным небом, под ясным месяцем.

Тили-тили тесто

Так уж получилось: из девочек в деревне Анютиной ровни не было. Или старше, или младше. А ровесниками были мальчишки: Лева и Толя Тереховы, однофамильцы, и Миша Серебряков. Анюта дружила с Левушкой, как ласково звала его бабушка.

– Анюта, – кликала она внучку, которая читала на печке книгу, – вон под окошком Левушка тебя дожидается, с лукошком. Куда собрались-то?

– Снегирей ловить, – деловито сообщала девочка, скатываясь с печки и торопливо одеваясь. – Дай, бабушка, хлебных крошек.

– Ах, запотройщики! Да разве такую осторожную птицу поймаешь??!

Но Анюты уже нет. Бабушка видит в окошко, как дети проираются по глубокому снегу к молодой кудрявой яблоне в огороде, прилаживают наклонно лукошко на снегу,сыплют под него крошки и идут назад, разматывая тоненькую веревочку, привязанную к лукошку. Если дернуть за нее, лукошко падает и накрывает птицу.

Затаившись в кустах смородины, Анюта и Левушка ждут, когда на крошки прилетят снегири. Они где-то на огородах, их melodичное спокойное посвистывание дети слышат.

А вот и они! Три красногрудых красавца уселись на яблоню. Дети замерли. Забыли про снег в валенках, про холод.

Птицы копошились в ветках, что-то поклевывали. Сквозь вишненник пробрались лучи низкого уже солнца. Голубоватый снег стал розовым, вспыхнули грудки у снегирей.

– Ну, подлетайте, подлетайте! – мысленно торопили дети. Наконец толстый снегирь слетел на краешек лукошка.

– Дергай! – зашипела Анюта.

Секунда – и лукошко накрыло снегирия.

Не помня себя от счастья, они бросаются к яблоне... И вдруг застывают на месте. Сквозь сетчатое дно лукошка видно, как отчаянно бьется птица. Анюте кажется: вот сейчас поломает крыльшки, перья свои красивые!

– Левушка! – почти плача, кричит девочка. – Выпусти, скорее, скорее!

Испуганный криком Анюты, Левушка резко откладывает лукошко вправо. Яркий комочек стремительно взлетает и исчезает за ветками. Анюта садится прямо в снег, плачет, размазывая слезы по щекам рукавичкой; потом поднимает глаза на растерянного, взъерошенного Левушку – и начинает неожиданно смеяться. За ней – Левушка.

– Вот так половили! – кричат они, весело баражаясь в снегу.

Отряхнулись. Левушка смотал веревочку, вытащил лукошко из сугроба. Они выходят из огорода и медленно идут по деревне к школе. Мальчишки катаются на салазках и, завидя их, кричат:

– Тили-тили тесто, жених и невеста!

Всех больше стараются, конечно, Толька и Миша.

– Подержи-ка, Анюта, лукошко.

Левушка направляется к горке, а Толька и Миша с хохотом падают на салазки – и стрелой вниз, к пруду. Левушка возвращается. Вообще-то они давно привыкли к насмешкам мальчишек, к улыбкам взрослых, и это их не задевало. Просто Левушке приятно лишний раз защитить подружку.

– Пойдем к нам, мама тыквенных семечек нажарила.

Левушка дом – напротив школы. Тетя Фрося ласково гладит девочку по волосам, помогает снять пальтишко. Они сидят за столом около окна, пьют горячий чай из кружек, с аппетитом едят пирог с калиной.

Под окном опять кривляются мальчишки. Анюта со смехом показывает им язык, а Левушка шутливо грозит кулаком.

«Янтарное ожерелье»

Анютка лежит на печи, слушает, как поет в трубе ветер, смотрит вниз, где вокруг стола под висячей лампой сидят девушки, тетины ровесницы. Их четверо: Шура Щербинина, Нина Соловьева, певуны Шура Терехова и Валя Серебрякова. Они пришли на посиделки.

Разговаривают, щелкают семечки, вышивают или вяжут. Пересмеиваясь, обсуждают деревенские новости.

Парни к ним не ходят. Их просто нет. Ушли воевать в тот год, когда Анюта родилась, и не вернулись.

И вот уже подросли другие парни и девушки, а этих все чаще называют «старыми девами». Анюта помнит: летом, в Ильин день, они вчетвером уходили на гулянье в Иванково, и бабушка сказала, глядя им вслед:

— Обидела девок война, нет у них хорошей судьбы. Так, верно, и завянут без радости. Так-то их жаль, Анюта.

... Сегодня Нина пришла без работы и, углядев на подоконнике среди Анютиных учебников книжку сказок, предложила шутливо:

— Давайте-ко я вам почитаю, авось умнее станете. Называется сказка «Янтарное ожерле». Анюта, ты у нас ученая, что это — ожерле?

— Это как бусы, — отвечает Анюта, вслушиваясь в слова знакомой сказки. Нина несколько раз произносит слово неправильно, но этого никто не замечает, и Анюте хочется поправить: не ожерле, а ожерелье, — но она так и не решается это сделать.

«Вдруг обидится Нина. А бабушка сказала, что они и так обиженны жизнью. Нет, как-нибудь в другой раз ей скажу, одной».

И озорные бывали забавы

В детстве дни длинные-длинные. Они вбирают в себя игры и слезы, драки и примирения. Без этого и жить невозможно. Особенно без игры. В «пятнашки», лапту, чижика играли до изнеможения. В «магазине» на «деньги» — камешки, черепки, листочки — покупали товар: ягоды, морковь, горох. Тут же все съедали. Купались в пруду до посинения. На Круче с высокого обрыва прыгали в теплый оранжево-желтый песок. Строили из него целые города. На току, где из свежей соломы взрослые складывали высокие длинные скирды, тоже были свои забавы. Например, вдоль всей скирды прокладывали внутри лаз и вереницей, друг за другом пролезали с одного конца на другой. Если пролезть быстро, это не страшно и весело. А если не очень быстро?

В очередной раз подростки прошмыгнули первыми, а когда за ними в скирду набилась мелкота вроде Анюты, Герка Его-

рычев и Вадим Малков, один с одного конца скирды, другой — с другого, перестали выпускать ребятишек на волю...

Если бы женщины, работавшие у молотилки, не обратили внимание на то, как растерянно и испуганно мечутся у скирды Герка и Вадим, для многих это развлечение обернулось бы бедой.

Парни с двух сторон залезли в скирду и, пятаясь задом, вытаскивали одного за другим полузадохнувшихся детей.

После этого случая председатель Иван Петрович строго-настрого запретил ребятне даже близко подходить к скирдам. Да никто теперь и не думал там играть.

Анюта с ужасом долго потом вспоминала, как хотелось тогда глотнуть свежего воздуха, как кружилась голова, как тоененько заплакала позади нее Алена.

А озорники, чай, с недели потирали задние места и затылки: учили родители тогда крепко, запоминалось надолго.

* * *

А зимой — катание с гор на салазках, на самодельных лыжах. Зимы были снежные. Снегу наваливало так много, что еле виделись из-под сугробов колыя в огородах. Ни пройти, ни проехать.

Но вот наступали звонкие мартовские утренники. На спешку образовывалась наст, да такой крепкий, что по нему ездили на лошадях в лес за дровами. Без дорог, по целине, сокращая расстояния. А уж ребятишкам раздолье! Границы деревни словно раздвигались: бегали по гумниам, в поле. И весело, и боязно было бегать, чувствуя под собой двухметровую толщу снега. Убегут далеко за деревню, оглянутся: над избами столбом поднимаются в голубое небо розовые дымы из труб. И наст розовый и сиреневый. И солнце гладит щеки теплыми ладонями. Скоро весна!

Грустная Пасха

Как бы рано ни пришло тепло, как бы дружно ни зашумели полые воды в речке Кере, для деревни весна наступала с праздником Пасхи, в конце апреля — начале мая. Выставлялись зимние рамы, выносились на заулок табуретки, скамейки, разбирались старые деревянные кровати, полати — все мыли, скребли, сушили на вольном воздухе.

Веселые сквозняки гуляли по избе, тетя Наталья, взобравшись на кухонный стол, мыла потолки, бревенчатые стены; бабушка белила печку. Анюта без дела тоже не сидела. Она полотняной тряпкой осторожно протирала стекла в окнах, а потом щедро поливала их холодной водой. И солнце врывалось в

комнаты, и на желтых потолках колыхались и играли зайчики, когда рябило воду в лужах около дома.

Бегала на колодец с ведерком, терла голиком с песком доски крылечка и смотрела с удовольствием, как, просыхая на солнце, они курились легким паром.

Вечером, когда в чистой-чистой избе постелили пестрые домотканые половички, Анюта присела к окну и задумалась, думы были приятные и радостные.

Послезавтра Пасха. Ей очень хотелось представать перед подружками в обновках. Синее платье с цветочками и мягкие светло-коричневые ботинки мама принесла из города еще в марте. Новое-новое платье, новые-новые, приятно поскрывающие ботинки! Она живо представила, как девочки будут вертеться друг перед другом, хвастая кто ярким платьем, кто гребенкой в волосах, кто ленточкой в косичке. А потом стайкой пойдут прохаживаться по деревне.

Но все вышло совсем не так, как думалось. Явился в гости из Капустина дядя Сергей, бабушкин старший сын, непутевый, как его все звали в деревне. Анюта не любила его и боялась.

Субботу он прошатался по дворам, разговаривал с мужиками, даже успел подрядиться у кого-то крыть крышу дранкой. А пасхальной ночью залез в сарай к Вере-матушке, украл трех куриц, отвернул им головы и принес опешившей бабушке «подарок».

Утром Анюта проснулась от вкусных запахов, которые плавали по избе теплыми волнами. Она и порадоваться им не успела, как у крыльца послышался шум, говор, и в избу влетела Вера-матушка.

— Ты уж не серчай, Степановна, — зачастила, как всегда, она, даже на этот раз не поздоровавшись, — но дух мясной на весь конец из вашей трубы идет. Ведь это Сережка твой украл моих куриц. Ирод проклятый, только нестись начали пеструшки. Мы так постановили с соседями: показывай свое варево. Если у тебя другое какое мясо, прощения попрошу, а уж если курятина, то беспременно моя!

— И вынимать чугунки из печки не буду, и показывать не буду, — вздохнув, сказала негромко бабушка. — Наш грех, мы и отвечать будем. Ты вот что, Веруха, приходи-ка после праздника к нам во двор и выбирай любых куриц.

Вера-матушка, видимо, приготовившаяся к долгим спорам и ругани, не ожидавшая столь быстрого разрешения вопроса, поперхнулась, помолчала и попятилась к двери, бормоча:

— Ну-ну, ну-ну, чай, сделаемся, Степановна, чай, сделаемся...

Говор у крыльца затих, шум мальчишеских голосов отдалился.

Бабушка бессильно опустилась на лавку возле печи, и Анюта вдруг, как-то сразу примирившись с этим, поняла, что праздник кончился, не начавших даже.

Разве теперь покажешься в деревне?

Нерадостно поели, разговелись крашенными яйцами, и бабушка, выбрав самое крупное, сказала ласково:

— Оденься, Анюта, да иди погуляй.

Анютка послушно надела платье, носочки, ботинки, вышла на крыльцо, послушала веселый гомон и гармошку в улице и, чтобы лишний раз не расстраивать бабушку, тихонько, гумнаами, по тропочке пошла на Кручу, где обычно с утра катали яйца, обменивались ими, бегали взапуски по сухому склону ребятишки и взрослые парни и девушки.

Уже никого здесь не было. Редкая еще трава усыпана разноцветной скорлупой.

Анютка прокатила вниз свое яичко, спустилась вслед за ним к реке, постояла, держась за куст ивняка, заглянула на бурлящую под обрывом воду. Потом вернулась домой.

Сняла и аккуратно сложила платье, башмаки вытерла сначала подолом старенькой юбки, а потом тщательно — ладошками. Отнесла все это на бабушкин сундук. Села к столу. И только тут заплакала. Хоть бы мама была! Но мама на этот выходной из города не пришла.

Экзамены

Этой весной Анюта заканчивала четвертый класс и готовилась к первым в своей жизни экзаменам.

В солнечные майские дни она выносила две табуретки из дома, раскладывала на них тетради и учебники, учila наизусть стихи, правила, решала задачи по арифметике.

На старой яблоне вовсю заливались скворцы, летали первые пестрые бабочки и садились на теплые бревна избы; начинали цвести золотистые одуванчики.

Девочка с каждым днем становилась все серьезнее и задумчивее.

Рано-рано они с Левушкой отправились за четыре километра, на Бельну. Там, в семилетней школе, сдавали экзамены новиковские ученики.

Шли росистыми тропинками, через деревни, лугами, у самой школы перешли узенькую в этом месте речку по крепкому мостику без перил...

Человек двадцать четвероклассников из двух школ сначала

писали контрольную по арифметике. Анюта решила быстро и с любопытством оглядывала склоненные головы незнакомых ребят. Рядом пыхтел Левушка, а позади беспокойно крутились Миша и Толька.

Пришлось тихонько подвинуть Левушке свой листок, а он потом быстро переписал на промокашку решение и передал под партой товарищам. Те торопливо заскрипели перьями. А билет по русскому языку был очень легким. Анюта выпалила все на одном дыхании и с надеждой посмотрела на учителей: может, еще что спросят?

Но те заулыбались, а Фаина Ивановна сказала:

— Вот, придет к вам чистое золото, из нашей школы жалко ее отпускать.

«Сюда не приду», — подумала про себя девочка, но ничего не сказала, а только вздохнула.

* * *

В обратную дорогу пустились дружно, все четверо. Попали под теплый дождь. Разулись, зашлепали по лужицам. Анюта не заметила, где и когда потеряла ручку с новеньkim перышком, долго искали и, конечно, не нашли. Зато в перелеске, прозрачном и светлом от берез, наравили Анюте букетик сон-травы.

— Не уезжала бы ты в город. Вместе ходили бы в семилетку, все веселей и охотней всем-то, — сказал Миша, когда поднимались в гору перед деревней. — Думаешь, там лучше будет?

— Не будет, — ответила Анюта. — Боюсь даже. Но ведь там мама. В деревню вошли молча.

Прощальные каникулы

Они показались Анюте очень короткими. Может, из-за того, что она их задерживала, дни торопились, бежали стремительно. Анюта старалась больше помогать бабушке. Она носила с колодца воду, поливала грядки, пропалывала их, каждую неделю мыла полы и чистила ведерный медный самовар, с подружками бегала по грибы и по ягоды, таскала из леса плахи (так в деревне называли упавшие высохшие деревья, ими все лето топили печи), ходила в полдень в стадо доить корову Зорьку. Дел было много, не до игр вроде бы, но ведь на то и детство, чтобы играть находить во всем.

Вот девочки, кто с матерью, кто самостоятельно, собрались доить коров. Сегодня стоянка за речкой, у Тетнива. Анюта в походнике несет чистую сырую тряпку, чтобы обтереть вымя перед дойкой, горбушку хлеба для Зорьки и белый плат. Им она

заявляет ведро с молоком поверху: бабушка любит чистоту во всем, к этому и внучку приучает.

Сначала идут вместе с женщинами, но потом убегают вперед: надо успеть на Захаровских горах покачаться на березах над обрывами.

Захаровские горы — место высокое, привольное, веселое. Когда-то здесь была деревня, а теперь одни березы да рябины. Березы старые, с длинными ветвями, с обнаженными на обрывах толстыми корнями. Если ухватиться за ветки покрепче да, разбежавшись, качнуться... Летишь вперед-назад над обрывом, вперед-назад, аж дух захватывает, и сердце замирает, и море листьев летит в лицо, мелькает в глазах. Смеуху, визгу! Но внизу на тропинке ругаются матери, приходится спускаться к ним. Кое-кто из девчонок, подвернувшись под горячую руку, и подзатыльник получает.

— Да что же это за игры? А если сорветесь, упадете, ведь кости переломасте, мучайся потом с вами всю жизнь. И кто это придумал такое развлечение? — шумят женщины до самой стоянки. Теперь они гонят девчонок впереди себя.

Анютка бежит среди подружек.

— Упадем, разобьемся... А руки-то на что? Так уцепишься за ветки, с силой никто не оторвет, разве с ветками вместе. Ой, а если ветки обломятся?! Но ведь ни разу такого и не было.

Но вот и стоянка.

Коровы все одной породы, одинакового темно-бурого цвета. Девчонки и женщины разбредаются по стаду, кличут своих буренок.

Анютка не любит доить Зорьку в тесноте и никогда ее сама не ищет. Она встает поодаль, зовет: «Зорька! Зорька!» Корова бежит, потому что каждый раз получает лакомый кусочек. Ласково приговаривая, Анюта приседает, вытирает вымя, ставит подойник между коленями и, прижалась головой к теплому Зорькиному боку, тянет за тугие розовые соски. В ведро звонко ударяют первые струйки молока.

* * *

А дни летят и летят. Уже Фаина Ивановна написала Анюте характеристику в городскую школу. Уже тетя Наталья перестирала нехитрое бельишко девочки, ее сарафанчики и платья.

В конце августа за Анютой пришла мама.

Анютка обежала все знакомые места, с каждой тропочкой попрощалась. Они отправляются в путь с утра. Все, кто встречается на деревенской улице, находят для девочки ласковые слова, желают ей доброй судьбы.

— Вот, Анютка, провожание какое хорошее устроили тебе, не забывай деревню, — говорит бабушка.

Они подходят к току, и здесь бабушка обнимает Анюту, крестит ее.

— Я каждое лето буду приезжать, бабушка, не скучай, — обещает внучка.

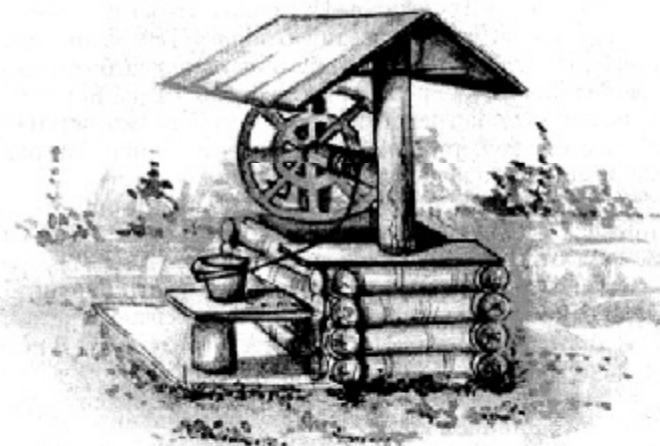
Дальше всех, до Лесков, до поворота на Горки, провожают их Левушка. У Лесков все останавливаются. Анюта смотрит на деревню, на бабушку, которая все еще сиротливо стоит у тока, на школу и вдруг, вспыхнув, порывисто делает несколько шагов назад, как будто собирается убежать обратно, к бабушке.

— Ну-ну, Анюта, ты же взрослая у меня, — обняв доченьку сзади за плечи, тихонько говорит мама.

Левушка бежит к деревне. Проводив его взглядом, Анюта крепко трет кулачками лицо, потом поворачивается к маме, берет из ее рук тяжелую кошелку с пожитками, и они долго идут рядом по пыльной проселочной дороге....

Посиделки

РАССКАЗЫ

За рекою соловьи

Десять километров от райцентра, где он теперь жил, до родной деревни Борис Федорович шел трудно. И не только потому, что день был жаркий, утомительный, не только потому, что сердце сегодня что-то особенно прихватывало, а потому, что на каждой версте его останавливали воспоминания.

Вот здесь, у Ивановского пруда, никогда не просыхала огромная лужа. Она и сейчас была, правда, грунт изменился. За прошедшие годы сделали насыпную дорогу, теперь дно лужи не засасывало по колено, желтело упругим песком и щебнем, но лужа все равно осталась на прежнем месте, и, как тогда, Борис Федорович наклонился над ней и увидел небо с облаками, ветки ветел. Не хватало только Верушкиного лица рядом, ее синих смеющихся глаз, и не щекотала щеку ее пушистая лыняная коса.

Дорога тянулась в гору, и, одолев подъем, Борис Федорович присел отдохнуть в тени старых придорожных берез. Они всегда здесь отдыхали, набирались сил перед большим переходом через поле, где ни кустика, ни деревца до самого Юрьина. Какие дали открывались от этих берез, какие зеленели здесь клевера, ходили волны под ветром по цветущему льну! В густой, сизой, начинающей колоситься ржи Верушка собирала васильки, а он нес ее портфель и любовался невысокой ладиенькой фигуркой, бантом в длинной косе.

Борис Федорович наконец-то одолел это жаркое поле, прошел мимо Юрьина, пожалел деревню: дома, сараи, бани – все еще крепкое, живое, а деревня опустела, был один-единственный дом, в котором летом жила семья из города.

От Юрьинских березок до деревни было рукой подать, но Борис Федорович отдохнул и здесь. Сел на траву в тени густого орешника, а потом даже прилег. Над головой мельтешили листья, рябило в глазах от солнечных бликов. Он отыскал гла-

зами несколько гнездышек орехов – поспевали уже. Не заметил, как задремал. «Борис, не уходи!» – вдруг услышал он отчаянный девичий крик. Рывком сел, отчего сердце тупо ударило в груди, непонимающее отглядевшееся и вдруг закрыл лицо руками. Как же это все случилось? Почему разошлись их с Верой пути-дороги? Вот здесь, в этом светлом березняке, он впервые поцеловал ее, а потом случилось и больше. Вскоре его в армию призвали. Дочка, Наденька, родилась без него.

Верушка, он знал, ждала его верно. Писала часто, дочкины фотографии присыпала. Товарищи по службе считали его уже женатым человеком.

Приехал. И то ли взрослый стал, то ли отвык, то ли на свободу на гражданке вырвался, то ли чего-то нового захотелось. Тогда ведь не размышлял много. Друзья на гулянки в соседние деревни – и он с ними...

А она и не навязывалась. Раз только крикнула вслед, как душу выплеснула: «Борис, не уходи!» Борис Федорович поднялся, постоял, успокаиваясь, и ступил на тропинку, которая и вывела его к первым домам деревни. Зашел на пруд, с мостков вымыл руки, ополоснул лицо, шею.

Он шел, останавливалась с каждым встречным, улыбался, разговаривая, отвечал на вопросы, а взглядом нетерпеливо искал знакомый дом и палисадник. Он знал, что за ним наблюдают внимательные глаза деревни. Но какое это имело значение сейчас?

Через заборчик палисадника свешивались золотые шары, выглядывали на улицу. «А тогда малыши цвели, – отметил он машинально, – высокие, розовые». Дверь неожиданно открылась, и Вера так и застыла в проеме, едва прошептала:

– Борис Федорович, какими судьбами? Да как же это ты пришел? Случилось что?

– Да ничего не случилось, – стараясь казаться спокойным, ответил он. – Вот, пришел навестить деревню. Многих мне повидать надо. В дом-то пригласишь?

– Как же, как же, проходи, – все еще растерянно произнесла Вера, пропуская его вперед.

Дом встретил его чистотой, уютом, прохладой. Вдруг захотелось снять ботинки, пройтись босыми ногами по пестрым половикам, лечь на диван. И чтобы именно эта женщина, полноватая, в опрятном ситцевом платье, с белым платком на поседевших волосах, подошла, в глаза заглянула, положила на лоб ласковую руку, спросила: «Устал? Обедать будешь?»

– Устал? Обедать будешь? – услышал он, вздрогнув. – У меня сегоднякрошка, холодная, из своего кваса.

Сидели, разговаривали обо всем: о лете добром, нынешнем, о детях; не задалась что-то жизнь ни у Нади, ни у Любы с Васей.

— За мои грехи, что ли? — спросил он.

— Не вини себя, — спокойно ответила, — ни грехов, ни обиды нет. Так уж жизнь распорядилась всем. До старости, до внуков дожили. Что же еще надо?

— А ведь могло быть все иначе, — с горечью вздохнул он.

— Ну что теперь об этом думать? Будь здоров, Борис Федорович, живи дольше, — сказала Вера, провожая его до калитки.

Вернулась домой, глянула в одно-другое окно. Потом, словно опомнившись, быстро двором вышла к соседнему дому, увидала возившегося в гараже Сережку.

— Сергей, Сережа, — зашептала умоляюще, — у тебя машина. Борис Федорович к тетке Настасье пошел, ты отвези его до Мыты, ради Бога, не дойдет он. Не зря он пришел, ой, не зря, никогда ведь такого не бывало.

И вдруг заплакала горько, безутешно. Сергей растерянно топтался перед ней:

— Ну, теть Вер! Да о чём речь, отвезу, конечно, да что ты пугаешь себя?

...Без сна провела эту ночь. Прошлое накатило, заполнило, смяло душу.

Как она его любила! Не побоялась людской молвы, родила, растила дочку, ждала, вот приедет, вернется из армии, мечтала, дни считала. А он приехал возмужавший, похорошивший, взрослый. С дочкой поиграл. Еще раза два-три зашел. Позднее узнала, что зачастил он в Назарково за реку.

— Что перестал заходить? — переборов гордость, как-то остановила она его на тропке на усадах. — И почему за реку ходишь?

— А за рекой соловьи, Верушка, соловьи лучше наших поют, — засмеялся он.

— Борис, не уходи! — попробовала уговорить.

Отшатнулся, ушел, а через полгода женился, привез из-за реки Софью. И показалось Вере, что жизнь кончилась. Если бы не дочка...

Что пережила за эти долгие годы, знала лишь она. Ведь в одной деревне, каждый день на глазах, на общих работах, на общих праздниках. По редкой доброте своей душевной Вера нашла в себе силы простить любимого человека, не сделала его жизнь невыносимой, ни в чем не упрекнула. И в Софье не врали, не соперницу видела, а обычновенную женщину, тоже любившую, рожавшую детей, ломавшую спину на работе на ферме. Нередко защищала ее от нападок деревенских товарок, почему-то недолюбливавших Софью.

И вот сегодня... Ведь проститься пришел, с первых минут поняла это, иначе разве посмел бы.

— Борис, не уходи? — отчаянно кричала душа. Но разве остановишь, разве удержишь от неизбежного?

Наутро, выйдя к колодцу с ведрами, она увидела сидевших на скамейке женщин. Пытливо взглянувшись в ее лицо, Марья Ивановна сказала:

— Посиди-ка с нами, Веруха. Я тут ждала тебя. Николай мой приехал из города, велел передать, что внук к тебе с сынишкой едет завтра. Так что готовь чаи-варенья.

— Да ну? — удивилась и обрадовалась Вера. — А уж я жду, жду их!

И успокоилась вроде, забылась в хлопотах. Она не знала, что Марья Ивановна сказала ей не все.

Санина песня

День рождения у Сани приходится на седьмое августа.

С утра они с Симухой съездили в Слободки с двумя корзинами яблок: одну продали, другую, видимо, не взяли, конечно, какие там покупатели, не в городе.

Но так или иначе были они при деньгах, и сколько-то очутилось у Сани в кармашке рубахи.

Сания перед закатом солнца привел с луга и подоил корову, накосил и приволок огромный короб отавы овцам, прошелся метлой по подворью. Когда и где Сания напился, для всех, как всегда, осталось загадкой.

Только когда женщины высадились на скамье для вечерней беседы, он вдруг появился перед ними в хорошем подпитии. Это никого не удивило: день рождения — дело святое, как и не выпить.

Но для Симухи Саниных дней рождения принципиально не существовало. И потому, увидев Санину довольную ухмылку, она с ходу закричала: «Ах ты, ирод проклятый! Опять где-то нализался? Где? Говори, кто тебе самогонку продаёт? Сейчас же пойду и деньги обратно возьму, пусть и не снабжают!»

Женщины пробовали урезонить расходившуюся Симуху, но не тут-то было! Сания махнул рукой, ушел в огород. Симухе посидеть бы с женщинами, не травить мужика своими попреками, но попала шлея под хвост — не остановить! Она побежала за ним — и началась перепалка. Концерт для деревни! Его и слушали,

и смотрели, уши и глаза не закроешь. Наконец Симуха пустила в ход свой последний козырь, который всегда на Саню действовал успокаивающее: «Все, мочи моей больше нет, сейчас пойду звонить в милицию, пусть забирают хоть на год!»

Обычно Саня, испугавшись, утихал, но сегодня вдруг заорал: «Да я сам пойду позвоню, чтобы меня забрали, все нервы ты мне выдергала!»

Саня выскочил из огорода и пошел куда-то вдоль улицы. Симуха, воя, ушла в дом.

— Господи, — вздохнула на скамейке Тонида, — и вот всю жизнь так. Конечно, легко ли им друг с другом с разницей-то в двадцать лет! Он еще в полной силе, а она идет да запинается. И ведь знает, что без него хозяйство враз бы захирело, она-то уж ничего не может, а вот поди ж, пилит мужика деню и нощно!

Саня между тем, что-то бормотая, возвращался. Все с интересом уставились на него: что же дальше будет.

Он прошел к дому и отвязал собаку, молодую овчарку Кургана. Та бросилась на дорогу, обегала деревья, на радостях пустилась к скамейке. Завизжал, испугавшись, чей-то ребенок, и две-три женщины из городских дачниц крикливо требовали немедленно убрать псину, а то у детей будет нервный припадок.

Определенно не везло в этот день Сане! Собаку пришлось подозвать и загнать во двор.

После этого беседа на скамейке как-то разладилась, все разошлись, а я осталась. Саня сел рядом.

— Вот смотри, Татьяна, — устало сказал он. — Ну чем им моя собака помешала? Она на людей и внимания-то не обращает, не то что укусить кого. А приходится выпускать гулять только в огороде или на усадах с раннего утра или поздно вечером, когда все спать улягутся. А то чуть что — в ор: ой, убери, ой, укусит! А Симуха моя! Язва! Я ведь спины не разгибаю цельный день, а ей все не так, все мало! У меня же день рождения! Никогда мы его, как у людей, не праздновали. Я-то вон вижу: было рождение у вашей Любы, так вы собирались, родичи ваши пришли, песни пели. А в нашем дому — глухо, ни радости, ни добра, ни детей. Чего я горб-то ломаю, для кого, для чего?

В деревне Саню считали дураком по одной-единственной причине: женился когда-то парнем, а Симуху взял на двадцать лет старше. И не воспринимали его всерьез с тех пор. А я защищала, спорила, находя в нем немало достоинств, объясняла все тем, что просто он нигде не бывал, ничего не видел, но деревенское упрямое мнение перебороть не могла.

— Пойду я, пройдусь.

И Саня поплелся по дороге, а потом вдруг запел. Что-то такое не очень понятное, перемежая слова просто мычанием, с проговариванием, и никак сначала не могла уловить смысла

Саниной песни. А когда наконец поняла, так мне жалко стало чужую жизнь, одинокую, неприкаянную.

Ох, проходят мои годики,
Да и жизнь проходит.
Быть, считают время ходики.
Где-то счастье бродит?

Примерно так пел Саня. Я вглядывалась в сумрак, в который он уходил, и думала, что вот никто не слышит настоящего Саню, когда тот в песне открывает душу.

Но, оказывается, не я одна слушала Саню. Тетка Тонида открыла окно и окликнула меня.

— Слыши, Татьяна, как жалобится человек. Ну да что теперь сделаешь. Время вспять не повернешь и другую жизнь не проживешь. От чего начал, то и судьбу правит. Да ты не расстраивайся из-за него! Вот завтра он уйдет на сушки, на сено, да и пролежит три дня. Не впервые! Симуха и будет одна разворачиваться с хозяйством. Бока-то пообтеши — и покладистей станет, посмирней, перестанет Лександра пилить. Вот так и живут: то руганки-перебранки, то затишье перед грозой. Легко-ли, подумай-ка?

Сумрак плотнее одевал деревню. Все маячили и маячили едва видимый человек...

Скважина

В это засушливое лето в деревне вспомнили, что колодцы давно бы следовало привести в порядок. Но вычистили только один, при въезде, да и то не по решению деревенского схода, а, так сказать, в частном исполнении.

К Марье Сыровой приехали из города сын и внук и взялись за это трудоемкое дело: не хотелось оставлять старуху без воды. Восемь домов поблизости скинулись по тридцатке, заплатили мужикам за работу и сто «спасибо» сказали: если бы не эти ребята, пришлось бы куковать всухую не только одной Марье.

— Ну вот, теперь наша водяная проблема решена! — торжественно объявил у продуктовой машины Александр Иваныч Павлу Дмитричу. — А у вас в центре я что-то не вижу никакого движения вопроса!

— Да, да, — уныло согласился Павел Дмитрич. — А мы никак не раскачаемся.

Раскачиваться, собственно, не было особой нужды. В центре хозяева еще несколько лет назад пробурили в огородах возле бани скважины. Уловили время, когда по деревням проехала колонна бурильщиков, и всем желающим со знанием дела, честно и добросовестно ребята поставили глубинную чистейшую

воду. Плата была не столь уж велика. Зато теперь щелкнул выключателем в бане, заработал насос — и на тебе холодненькая, хоть залейся. Дачники (а их в деревне третья часть) присоседились к местным и пользовались водичкой как своей.

Только Павел Дмитрич не брал воду ни у кого, должно быть, из гордости. Вместе со всеми скважину он бурить не собирался, сказав: «А много ли воды-то нам с Лидухой надо? Да и колодец в двух шагах».

Колодец-то давно затягивало песком, а тут сушь, вода даже с ночи прибывала мало. И Павел Дмитрич вставал еще в рассветных сумерках, осторожно звякал цепью, а чтоб не скрипело колесо, он смазывал его гусиным жиром. Тихо черпал воду до тех пор, пока муть не поднималась со дна. Так и перебивался. Больше на колодец никто не ходил.

Хуже всех обстояло «водяное дело» на верхнем конце деревни, что выходил к лесу. Колодец вообще обвалился. Дачники, три дома, ходили за водой к родственникам, а вот коренной жительнице, Антонине Григорьевне, пришлось совсем туго: две

коровы, теленок, полтора десятка овец, да и огород — воды требовалась прорва.

А где взять? И она побиралась...

С тех пор как приехали в отпуск, Татьяна каждый раз просыпалась по одному и тому же сценарию: сначала в сладкий утренний сон крадучись входил Павел Дмитрич со своими ведрами, и, открыв глаза, Татьяна видела слабо зарумяненные утренней зарей окна; встав, с досадой и жалостью наблюдала за ходками Павла Дмитрича к колодцу и обратно — и колодец, и его дом находились напротив, через дорогу.

Теперь уж не уснуть. Татьяна тихонько, чтоб не разбудить детей, вышла в кухню, присела возле окна на сундучок, в нем покойная свекровь держала обычно крупы и муку. Теперь Татьяна складывала в него выстиранные кухонные полотенчики и мешочки холщовые, которые к концу лета наполнялись сушеными грибами, черникой, яблоками.

«Ну вот, началось!» — тоскливо подумала, прислушиваясь. Далеко в улице слева послышалось громыхание, вззвизгивание; ближе, ближе... Татьяна, как завороженная звуками, вытянула шею — по дороге шла Антонина Григорьевна и везла какую-то нелепую тачку: продолговатый широкий ящик на четырех колесах от детской коляски (Господи, ну кто соорудил ей такое чудовище!); на тачке стоял бак и при каждом толчке громыхал, колеса визжали, хоть уши затыкай!

Старая женщина спокойно, невозмутимо шла по дороге, поглядывая по сторонам и нимало не заботясь о том, кого она разбудила в такой ранний час. Интересно, на кого сегодня падет ее выбор? Звуки удалялись. Значит, к деду Алексею свернула!

Татьяна открыла дверь в прируб и позвала:

— Михайлыч, пора вставать!

— Да я уж и не сплю, — отозвался муж. — Вон будильник-то, проехал.

— Вот, вот, — засмеялась Татьяна, — никаких часов не надо. Слушай! Я никогда не видела, чтобы она была обута на босу ногу, все время в спортивных штанах, в шерстяных носках и калошах.

— А в платье с коротким рукавом ты ее видывала?

— Так нет! — воскликнула Татьяна. — На голове платок, одета в кофту теплую, юбку темную. А платок еще и за шею завязан, не под узелок, как у всех.

— А ей так удобно. Не холодно и не жарко. И полет, и косит, и стога мечет, и по росе, и по грязи — все одинаково одетая. Да и одна всю жизнь.

— Да, верно.

Вздохнув, Татьяна задумалась. Она вспомнила недавний случай на лужке под березами. Ждали машину с хлебом. Все

— Да, да, — уныло согласился Павел Дмитрич. — А мы никак не раскачаемся.

Раскачиваться, собственно, не было особой нужды. В центре хозяева еще несколько лет назад пробурили в огородах возле бани скважины. Уловили время, когда по деревням проехала колонна бурильщиков, и всем желающим со знанием дела, честно и добросовестно ребята поставили глубинную чистейшую

воду. Плата была не столь уж велика. Зато теперь щелкнул выключателем в бане, заработал насос — и на тебе холодненькая, хоть залейся. Дачники (а их в деревне третья часть) присоседились к местным и пользовались водичкой как своей.

Только Павел Дмитрич не брал воду ни у кого, должно быть, из гордости. Вместе со всеми скважину он бурить не собирался, сказав: «А много ли воды-то нам с Лидухой надо? Да и колодец в двух шагах».

Колодец-то давно затягивало песком, а тут сушь, вода даже с ночи прибывала мало. И Павел Дмитрич вставал еще в рас светных сумерках, осторожно звякал цепью, а чтоб не скрипело колесо, он смазывал его гусиным жиром. Тихо черпал воду до тех пор, пока муть не поднималась со дна. Так и перебивался. Больше на колодец никто не ходил.

Хуже всех обстояло «водяное дело» на верхнем конце деревни, что выходил к лесу. Колодец вообще обвалился. Дачники, три дома, ходили за водой к родственникам, а вот коренной жительнице, Антонине Григорьевне, пришлось совсем туго: две

коровы, теленок, полтора десятка овец, да и огород — воды требовалась прорва.

А где взять? И она побиралась...

С тех пор как приехали в отпуск, Татьяна каждый раз просыпалась по одному и тому же сценарию: сначала в сладкий утренний сон крадучись входил Павел Дмитрич со своими ведрами, и, открыв глаза, Татьяна видела слабо зарумяненные утренней зарей окна; встав, с досадой и жалостью наблюдала за ходками Павла Дмитрича к колодцу и обратно — и колодец, и его дом находились напротив, через дорогу.

Теперь уж не уснуть. Татьяна тихонько, чтоб не разбудить детей, вышла в кухню, присела возле окна на сундучок, в нем покойная свекровь держала обычно крупы и муку. Теперь Татьяна складывала в него выстиранные кухонные полотенчики и мешочки холщовые, которые к концу лета наполнялись сушенными грибами, черникой, яблоками.

«Ну вот, началось!» — тоскливо подумала, прислушиваясь. Далеко в улице слева послышалось громыхание, вззвизгивание; ближе, ближе... Татьяна, как завороженная звуками, вытянула шею — по дороге шла Антонина Григорьевна и везла какую-то нелепую тачку: продолговатый широкий ящик на четырех колесах от детской коляски (Господи, ну кто соорудил ей такое чудовище!); на тачке стоял бак и при каждом толчке громыхал, колеса визжали, хоть уши затыкай!

Старая женщина спокойно, невозмутимо шла по дороге, поглядывая по сторонам и нимало не заботясь о том, кого она разбудила в такой ранний час. Интересно, на кого сегодня падет ее выбор? Звуки удалялись. Значит, к деду Алексею свернула!

Татьяна открыла дверь в прируб и позвала:

— Михайлыч, пора вставать!

— Да я уж и не сплю, — отозвался муж. — Вон будильник-то, проехал.

— Вот, вот, — засмеялась Татьяна, — никаких часов не надо. Слушай! Я никогда не видела, чтобы она была обута на босу ногу, все время в спортивных штанах, в шерстяных носках и калошах.

— А в платье с коротким рукавом ты ее видывала?

— Так нет! — воскликнула Татьяна. — На голове платок, одета в кофту теплую, юбку темную. А платок еще и за шею завязан, не под узелок, как у всех.

— А ей так удобно. Не холодно и не жарко. И полет, и косит, и стога мечет, и по росе, и по грязи — все одинаково одетая. Да и одна всю жизнь.

— Да, верно.

Вздохнув, Татьяна задумалась. Она вспомнила недавний случай на лужке под березами. Ждали машину с хлебом. Все

сидели на траве, и когда Татьяна подошла занимать очередь, Антонина Григорьевна обстоятельно так, неторопливо, видимо, продолжая разговор, урезонивала кого-то:

— Ну что вы, бабы, меня ругаете? Усадов много взяла? Накосила, а не убираю в стога? Сено уж врастает в отаву? Так ведь не мне его есть! А колхозные коровы зимой с голодухи какое угодно скажут. Да, и за такое сено деньги получу!

Сыну дом в Мыту купила? Да надо будет, еще три таких куплю! Вам-то что из-за этого не спится? Кому какое дело, что у пьяниц шерсть скупаю за бутылки? Берите и вы, дураков на всех хватит. Пусть за ними жены следят, чтобы из дома добро не тянули. Они с мужиками, а я одна. Кому мешают мои две коровы? Привязываю на колхозном клеверице? И вы привязывайте, не бойтесь, бабоньки! Начальство в деревню четвертый год не заглядывает, не накажет, не оштрафует.

Правильно, и комбикорм прямо ко двору подвозят! А вы не скупитесь, умейте по-умному заплатить, так и вам привезут. Ну что за народ...

— О чём задумалась? — спросил муж. — Об Антонине Григорьевне? Да не пропадет она. Вон, возвращается. Ходок пять сделает — и обеспечена водой до завтра. А то Жанна с Димкой приедут из Мыта, они ей хорошо помогают, внуки-то. Готовь-ка завтрак.

Ночью собралась гроза, с трескучим громом, с молниями, сильным ветром. Муж надел дождевик, под желоба подкатил бочку в огороде, канистру у крыльца. «Гроза сильная, свет отключили на подстанции», — сказал он. Потом гроза ушла, свалила за лес, а дождь шел не переставая, до утра. Дождю радовались.

Утром Татьяну разбудили тревожные голоса женщин, торопливо прошедших по дороге. Обеспокоенная Татьяна выско-чила на крыльцо. В лицо пахнуло свежестью, качались мокрые сирени, по небу бежали тучи. Куда прошли женщины? Открыв калитку палисадника, Татьяна вышла на дорогу и посмотрела вдоль улицы. Не сразу поняла, что чего-то привычного не хватает. Еще раз посмотрела. Батюшки! Над сухим прудом не было ивы! Ее сломило, видимо, ветром, и теперь она лежала поперек дороги. Жалко дерева, хоть и старое. Но ведь не из-за него же тревожились женщины!

— Татьяна, свету-то нет, знаешь ли? — крикнула с соседнего крыльца Серафима. — Ива-то упала, все провода оборвали, столбы повалила. Звонили в Мыт, скоро приедут электрики.

— Так потерпим, раз скоро приедут! — откликнулась Татьяна.

Приехали, походили около столбов и огордили всех: «Не

раньше чем через три дня исправим. Трактора пока нет с бурильным аппаратом».

Ну, покричали, поругались женщины, мужики поворчали, да что делать, надо ждать.

Вот когда «водяной вопрос» встал перед всей деревней! Что скважины без электричества? Насос не включишь...

— Ладно, — решительно сказал Николай Михайлович, — уж если что, приходите ко мне, у меня все емкости в огороде и в бане наполнены. Как чувствовал. На чай, на готовку хватит. А уж скотине... — Он развел руками.

В эти три дня Антонина Григорьевна уныло сновала по деревне, как членок, от дома к дому со своей тачкой. На третье утро Татьяна, сидя у окошка, с удивлением услыхала, что громыхание и визг прекратились у их дома. Озадаченная, она вышла и увидела Антонину Григорьевну, понуро сидящую на скамейке под сиренями. Тачка стояла рядом.

— Теть Тонь, ты что?

— Так что, Татьяна! Воды нет. Я коров-то вчера гоняла на прудок в луг. Они уж пили, пили. А овец и теленка не погонишь, глупые, разбегутся.

— Господи, бери у нас, вычернивай всю. Огород теперь хорошо полило, а у нас еще бочка в запасе.

— Вот спасибо-то! Так всю можно? — обрадовалась та.

И опять громыхал бак, визжали колеса, терпеливо и покорно тащила тачку женщина.

Марья Ивановна давно сидела на скамейке у колодца, наблюдала за стараниями Антонины Григорьевны. Татьяна подсела к ней.

— Иши, всю отаву у вас заездит, — с неодобрением замстила Марья Ивановна.

— Да не так уж много помнет. Поднимется отава. Плохо Антонине Григорьевне без воды. И что она вместе со всеми скважину не пробурила? Такое хозяйство.

— Обидела она нас, — сказала Марья Ивановна, — ныне по весне, вы еще не приехали, мои сыновья с ней по договоренности, ведь как просила, привезли все оборудование, два насоса, хотели бурить, а она и отказалась.

— Отказалась?

— Отказалась. Я теперь ее и не жалею. Есть у нее другая скважина.

— Какая? — изумленно уставилась на Марью Ивановну Татьяна.

— Такая. В Мыту. Невестка. Василий-то, сын, давно умер. Так Антонина все эти годы, жалея внуков, все туда и бурит: и деньги, и от коров продукт. Это же Лариска ей нынче сказала: не трать, мол, деньги на скважину, куда она тебе, может,

и скотину-то скоро держать перестанешь. А чего ей переставать? Баба еще не старая. А денежки-то из нее сношка вытряхнула! Сказывают, внучка собирается замуж, тут уж не до скважины. Вот и ходит теперь Антонина, побирается. – Она посмотрела вслед женщине. – Дуры мы, бабы. Не живала ведь для себя Антонина. А ту, Ларискину-то, скважину не наполнишь, она бездонная.

Вздохнув, Марья Ивановна не торопясь отправилась к сестре, окликнувшей ее из окошка. Татьяна осталась сидеть на скамейке.

Наличники

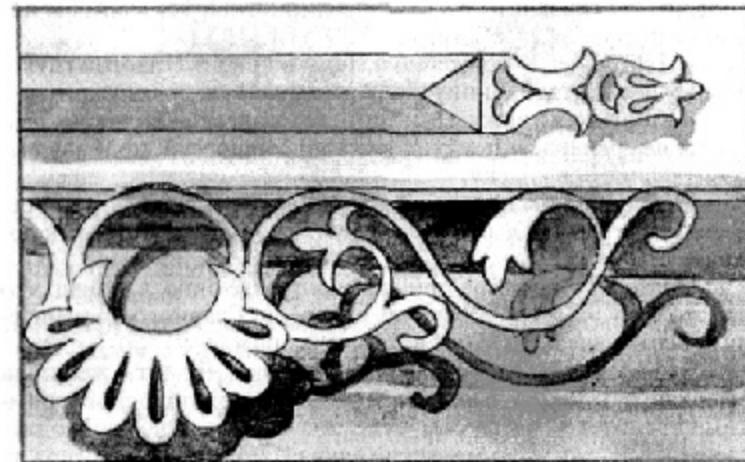
Сегодня в деревне событие: Николай Балысов, тетки Настасьи сын, красит наличники. День он выбрал на славу: солнечный, веселый, с ветерком, краска будет сохнуть быстро. Настасин дом большой пятистенок, крыша высокая, окон много, наличники все в кудрявых затейливых завитушках, так что работа предстоит немалая и кропотливая. Вооружившись лестницей, кистями разных размеров и масляной краской трех цветов – зеленой, белой и желтой, – Николай, посвистывая, вдохновенно колдует над первым окном.

Дом на бойком месте: напротив колодец, старая ветвистая береза; под березой врыта в землю широченная лавка, которая редко пустует; недалеко магазинчик. Он и самая высокая точка, вроде пункта наблюдательного. Если выйти с крыльца и встать на дороге, увидишь всю деревню из конца в конец.

Что-то новенькое в однообразии деревенских дней замечается очень быстро, а тут и особенно ревнивое внимание проявят: человек подновляет, украшает свое жилище. А вдруг мое после этого хуже окажется?

Первым на лавке усаживается сосед – навстречник Павел Дмитрич. У него побаливают ноги, далеко он не ходит, толчется, обычно, на своем подворье и рад возможности поговорить. На правах старшего он начинает с замечания.

– Другой краски, что ли, нет у Настасьи? Погляди-ка, у всех синие наличники да голубые, а ты выдумал желтый тон пустить.

– А мне нравится! – беззаботно отвечает Николай. – Тем более что ни у кого таких цветов нет!

– Ну, посмотрим конечный результат, – говорит Павел Дмитрич, еще прочнее умащиваясь на лавке.

– Вот-вот, надо подождать, – поддакивает, подходя, осторожный Борис Ефимыч, хозяин лавки и бересы.

Долго вдвоем они не остаются, через некоторое время рядом с ними с облегчением плюхается тетка Анна, которая ползет с конца порядка в магазин. Поздоровавшись с мужиками и отышавшись, она присматривается к дому напротив и спрашивает:

– Чего это Николай мельтешит по окошкам-то? Красит? Ну-ну, он дельный, каждый отпуск что-нибудь да подновит у матери. И двор шифером покрыл, и угол у коридора поднял, а теперь, стало быть, за наличники взялся? Умной, умной, а моих вон не заставишь, как убегут на реку – и трава не расти. Мы, говорят, мамка, к тебе отдохнуть приехали. И отыхают, не подступиться к ним с делами-то ни с утра, ни с полдня. Да-а... А там по дороге кто это пылит? Костюха Тихомиров, никак? Вот божья душа, тоже выгребся проветриться.

И верно, по самой середине дороги, по всей пыли шаркает валенками девяностолетний дед Тихомиров. Согнувшись, закинув правую руку за спину, он с любопытством ребенка поворачивает голову направо и налево и замечает-таки работающего Николая. Дед разворачивается к палисаднику, стоит, ухватившись за штакетник, долго смотрит, а потом ехидно так дребезжит:

– Что это у тебя, милок, бледновато получается? Уж на что

востры мои глаза и то не различают рисунка-то. Надо бы поясашней!

— Поясанией, — обиженно и громко кричит Николай глуховатому леду, — ты бабкину кашу различай!

— Кашу-то я увижу, мимо рта не пронесу, — хихикает дед, — а ты не ерепенься, послушай старого человека, подбавь выразительности в краску.

К полуночи были готовы два окна. Народу на лавке перебывало много, каждый высказался насчет увиденного, как пошел.

Николай уже молча принял за третье окно. Он знал, что все это цветочки, а ягодки будут впереди. Главного-то ценителя красоты еще не было. И вот он появился.

Это Марья Ивановна, деревенский «комендант», женщина высокая, сухощавая, с широкой решительной походкой, громким авторитетным голосом, без суждения которой не обходится никакой даже мало-мальской случай. Домашних она держит в кулаке, соседей — в строгости, остальных односельчан — в ощущимой узде. Это, так сказать, хранительница деревенского порядка.

С трехлитровой банкой молока в руках она направляется к своей сестре Тониде и, конечно, замечает оживленные посиделки на лавке.

Пройти мимо не в ее правилах, и она, присев на краешек лавки, начинает из-под руки разглядывать выкрашенные наличники.

Все с любопытством замолкают, а Николай, мельком оглянувшись через плечо, напрягается, начинает нервничать и кистью махать бесполково. Молчание затягивается, Николай суетится, неловко топчеться на лестнице, ему уже не до работы.

— Так, так, — наконец, усмехнувшись, подает голос Марья Ивановна. — Вот уж поистине: наряди пенек — будет паренек. Окошки-то у тебя, Николай, заиграли!

Сидящие на лавке радостно загомонили, соглашаясь. Павел Дмитрич незаметно исчез. Борис Ефимыч перекричал всех:

— Говорил же я, что надо подождать! И в самую суть дела попал!

Николай весело поднимается к очередному окну.

На другой день в трех или четырех домах начали красить наличники и палисадники.

Павел Дмитрич — тоже.

Ночной выстрел

В субботу муж уехал на велосипеде за малиной часов в пять утра. Накануне мы проводили в город детей, и я полдня хлюпала носом. Жалко было внуучку, рано увезли, только июль кончился, и впереди был еще целый месяц отпуска.

— Вы, как молодые, вдвоем остались. Разогнали семью — и довольны! — пошутил Евгений, сын тетки Тониды.

— Да какая, — говорю, — радость, мы к многолюдью привыкли, теперь вот от тоски заявляем.

— Ну-ну, отдыхайте-ка! — не поверил он. У матери их собралась куча: сам, да жена, трое детей, племянники — все взрослые. Покоя не было. Он нам и позавидовал.

Оставаться в пустом доме было невесело, и я попросила мужа не задерживаться в лесу.

Не спеша приготовила завтрак, думаю, должен часам к десяти вернуться. Жду. Десять — нет. Двенадцать — нет, час — нет! Я мечусь, не знаю, на что подумать. А Евгений успокаивает:

— Да брось ты волноваться! Мы с ним в лесу встречались. Жив — здоров. Сказал, что будет ягоды искать. Он у тебя такой — пока не наберет полную посудину, домой не явится. А мы поглядели — дрянь малина: сухая, червивая — и домой.

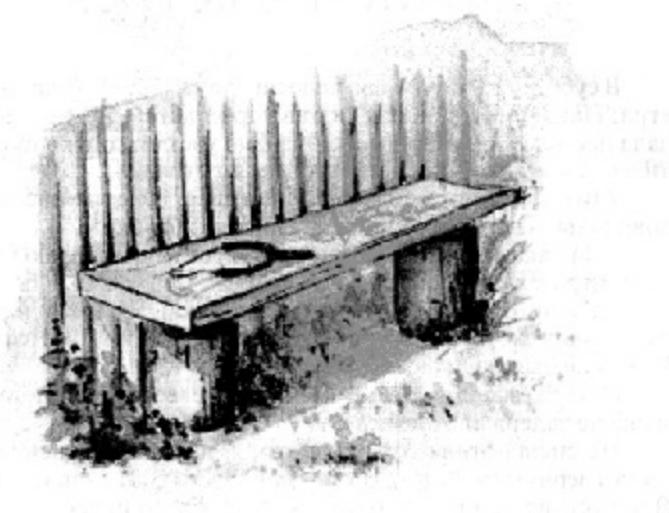
Раз жив, я немного успокоилась. Но время шло, его не было, я не знала, в какую сторону и глядеть. То в дом уйду, то на крыльцо, то на дорогу. Дошло до того, что Евгений и сам уселся на траву и стал глядеть вдоль улицы, ворча: «Ну, старый дурак, все ему мало. Сидел бы дома. Где он, в самом деле? Да не убивайся так! Вот подождем до трех часов, и если не появится, сядимся в машину — и в лес, искать». А через минуту радостно орал мне:

— Встречай, вон едет!

Поругала, конечно, я мужа, а дальше день как по маслу покатился. К Евгению приехали друзья по работе, и он увез их на озеро порыбачить, хотели на ночь остановиться. Моего звали, да я не пустила. И так нанервничалась. Вечером захотелось лечь спать пораньше. Муж сел в коридоре читать журнал, а я легла в прирубе. Дверь открыта, тишина, покой. Муж на страже, я и уснула.

Проснулась как от толчка.

В улице гвалт, двери в домах хлопают. Муж бросился с крыльца во всю прыть. У меня сердце упало в пятки. Ну, думаю, пожар! Оцепенела от страха. Сушь весь месяц стояла, все осторожничали, по мало ли что, гостей, дачников полна деревня, может, кто не оберегся... Все это молнией в голове пролетело,

а с места не сойти! Тут вдруг муж вернулся этак не спеша и со смехом сказал:

— Испугалась? Спи, спи, это соседи друг с другом разбираются.

Какое спи! Не зажигая света, мы примостились у окон, чтобы узнать, отчего сыр-бор начался. Понемногу стало кое-что вырисовываться.

— Нахалы! — орал Борис Шадрин. — До каких пор терпеть будем? Мало того, что весь день покоя нет, целый притон у Тониды, сто мотоциклов ревет, как на аэродроме! Плюнуть негде — везде эти пьяные переростки. А тут еще стреляют по окнам ночью!

— Да, да, — вторила ему жена Галина, — всех Тонида привечает, скоро из проулка нас совсем выживут. Ну-ко, стреляют! Стою у окна, думаю, кто бы, а он, Димка-то, и сунулся в палисадник зачем-то. Его Борис поймал, а тот отказывается, не я, мол. А кто же, если под окнами шлендерт? Кошку еще пнул, а сказал — бревно. Какое бревно, у нас тут чистая трава. В милицию заявим завтра же!

— И заявляй! — свою очередь кричала тетка Тонида, — На кого заявишь-то? На меня, что ли? Это какой у меня такой притон? Я что, девка уличная? Я их всех принимаю? К внукам да к девочонкам ездят, а я виновата? Улицу мне прикажете загородить?

— А кого же винить? Уж не я ли собираю эти компании? Вике, внучке; вон чуть в голову пуля не попала!

— Да очнись, какая пуля! Если бы пуля, у тебя стекла-то не было бы! А оно цело. Цело, я тебя спрашиваю?

В этот момент с конца деревни прибежала молодежь, на них и обрушилась ярость спорящих. Молодые доказывали, что они гуляли на дамбе, ничего не знают, и «чего на них напраслину наговаривают». Старые кричали уже не пойми что. В деревне никогда ведь не ругаются просто по поводу настоящего момента, а припоминают друг другу смертные грехи за всю прошедшую жизнь. Такое творилось и сейчас. И вдруг всех ослепил свет фар. Это возвратился с реки хорошо выпивший Евгений. Смутно понимая из-за чего шум, он бросился к матери, а Тонида жаловалась ему:

— Забирай детей домой! Моченъки нет, что на меня наговорили! Борис вон голый выскоцил из дома, чуть на меня с кулаками не набросился.

— Голый?! — возмущенно завизжала Галина. — Да побойся Бога, старая уж, стыдно такой срам придумывать. В трусах он! Сами кругом виноваты, а нас дураками выставляют.

Что началось! Евгений сбегал в дом, схватил нож, пинками загнал в дом девчонок и сыновей, кинулся к парням, подскочил к Димке, с которым дружила его Светка, и завопил: «А ну, марш из деревни, а то сейчас кишкы выпущу! И чтоб мне больше на глаза не попадаться!»

Парни благородно отступили в проулок и долго еще бубнили о чем-то, сдержанно посмеиваясь. А в доме Шадриных шла война. Тонида с Евгением чинили суд и расправу. «Все, все завтра по своим городам! — кричала Тонида. — Хватит мне за вас краснеть! Не умеете гостить — вон к родителям!» Евгений раздавал направо и налево пинки и подзатыльники.

Галина и Борис еще долго возмущались в ночи, призывая соседей к сочувствию. Но понемногу все утихомирилось.

Наутро деревня бурно обсуждала случившееся. И теперь переругались уже все.

— Не дело, не дело молодежи в деревне гулять. Мало ли, спичку бросят, папиросу не потушат. Долго ли до беды!

— Ну, и где же им собираться? Клуба нет. Со скамеек от домов гоните, как прокаженных. Куда бежать? В лес? Так и там патрули, не пускают, пожаров опасаются. В чистом поле на луну выть?

— Нет у вас ни детей, ни внуков, так вы и не понимаете ничего! А у меня есть. И пусть гуляют! Надо же! Двух летних месяцев не могут потерпеть люди! Погодите, скоро все разъедутся, и опять будем дуреть со скуки осенью да зимой!

Рассудил всех Николай Михайлович.

— Старые вы пни! Забыли, как молодые-то безобразничали? И в огорода лазали, и морковь таскали, и яблони обтрясали. А мало ли разных стукалок к окнам привязывали, а потом прятались да дергали за нитки. По целым ночам хозяевам спать не давали. А тут завелись бог знает от чего. Поймите вы детей-то!

Ну, а ясность внес его сын Серега, вышедший к колодцу с ведрами.

— Ну, блин, и выдумали! Выстрелы, пули... Да это Ромка булавку привязал и тренякал ею за веревочку по стеклам. А Димка заругал его, пошел в палисадник отвязывать, а тут Галина с Борисом выскочили. Выстрель! Вике в голову!

Все посмеялись и разошлись с миром. Хотя Галина и Борис все равно стояли на своем — стреляли!

Но сразила меня окончательно Людмила, сноха Николая Михайловича. Мы пили чай, и она тоже вспомнила ночное проишествие.

— Мы из города приехали поздно, пока поужинали, то да сс. Старший, Ромка, гулять попросился. Я устала, и так мы с Алешкой хорошо уснули, да, сынок?

Вдруг просыпаюсь от шума, села на кровати, ничего не понимаю. На улице кричат: «Стреляют! Стреляют!» А в окно к нам кто-то лезет! Я думала, десант какой высадился.

— Лезет? — хохоча, изумилась я. — И кто?

— Да Ромка с Серегой. Двери закрыты, они стучат, мы не слышим, они и полезли через окно, от греха подальше...

У того ночного инцидента есть продолжение.

Тетка Тонида имеет в огороде скважину. Галина и Борис пользовались ею, как своей собственной. И скотине, и в баню, и на поливку — не жалела Тонида. А теперь ключ спрятала. И не дам, говорит. Пусть с колодца носят водичку.

Но все забудется. И соседи помирятся.

Хуже другое. У внучки Вики появилось прозвище — Вика-Простреленная голова. Вике десять лет. Но оно может оставаться надолго, на всю жизнь. Потому что в деревне уж если скажут, то словно припечатают.

Ласточка

Назвать ее Ласточкой можно было, конечно, только имея богатое воображение. Высокая, сухощавая, с широкой костью, медлительная, она ничуть не походила на эту маленькую, легкокрылую, изящную птицу со стремительным полетом. А муж, совершенно не лукавя, любовно называл ее Ласточкой. То ли

она чувствовала, что это ласковое прозвище не соответствует ее внешности, то ли не верила искренности слов мужа, но каждый раз гневно кричала: «Выдумали! Какая я тебе, к шуту, Ласточка? Не позорь перед людьми!» А он не понимал ее раздражения...

Я тогда молоденькая была, только замуж вышла, счастливая, беспечная. К чужому счастью не присматривалась, не завидовала и горя чужого не понимала — своего-то не было. Перед работой, после окончания института, приехали на родину мужа, в деревню. Все мне здесь понравилось: леса кругом, речка тихая, луговая, чистая, простор. И к людям быстро привыкла. Приветливые, дружные, трудолюбивые. Раньше всех в округе у них поспевали огурцы, раньше всех начинали копать свежую картошку, слив родилась целая бездна, продавать в города ездили, тогда как в соседних деревнях и садов почему-то не было. Был в домах достаток. А самое главное — интересные люди-то! Каждый — по-своему или, как удачно выражалась мой новый родственник, Николай Михайлович, «за каждым — свое»: разговор, характер ли, занятие, а то и просто чудачество какое-то.

Вот все знали: заняграла у Бориса Ефимыча гармошка в доме. Это значит, что жена на работе в соседней деревне в медпункте, а он «принял на грудь» и веселится на свободе. Дядю Трофима так и звали стар и млад: плетушечник. Из луба плел огромные короба, за сеном с ними в сарай ходили; плел корзины, корзинки для ягод, корзиночки детские. Их он раскрашивал и какой-нибудь мелкий рисунок пускал: вишенку, цветок или птичку. Его соседки, две сестры, вдовы, иконы собирали. Как в музей можно было к ним ходить. Тетка Дарья в палисаднике выращивала цветы, любительница была. А семейство Жеганиных отличалось работоспособностью, удивительной даже для деревни, где лентяй считался «богом обиженным человеком».

С тех пор и повелось, в отпуск — только в милую сердцу деревенскую. Дом Ласточкин был чуть наискосок, напротив нашего, так что многое в жизни соседей виделось, да и не очень-то в деревне скроешь, что в дому, впрочем, они и не скрывали.

Я всегда удивлялась его, Виктора, откровенности, доброте, стремлению бескорыстно помочь всем, кто в этом нуждается. Рядом, в соседях, жил его родной брат Василий. Полная противоположность. Скрытный, осторожный, жадноватый, а этот душу готов был отдать за людей и жил широко и безоглядно, торопясь, словно чувствовал, что жить ему не до старости. Запомнился он. Плясать любил. И умел! Черноволосый, смуглый.

Детей своих любил. По его рассказам, выходило, что лучше их, этих трех долговязых, в матер, подростков, и нет никого. Радовался, когда потом у старшей дочери родился внук, Сережка, всем карточку его показывал. А уж когда они с Ласточкой

съездил к Татьяне после рождения внучки, ликованию его конца не было. По несколько раз всем в деревне он рассказывал, какая славная девчушка родилась, «ну просто как шоколадка!»

Помнится, они перекладывали в доме печь. Что это значит, могут понять только деревенские жители. Газа тогда еще не было в помине. Варили, пекли, готовили корм для живности – в печи. А тут ее разворотили почти всю. Это как стихийное бедствие. А грязи-то!

В доме выставили рамы, через оконные проемы Ласточка с мужем выкидывали старый кирпич, передавали новый. Месили глину – во всю мочь помогали печнику, чтобы дело шло быстрее, нервничали. Сами ели кое-как, дети кое-что, а ведь и печника надо кормить. Чтобы готовить какое-то варево, горшки носили в печки к соседям.

Под вечер Ласточка, знать, выдохлась окончательно. Ругаясь, она вышла из дома и прямо у крыльца начала снимать с себя покрытую кирпичной красной пылью одежду. Оставшись в одном лифчике и в синих панталонах до колен, она вытягивала все на ветру. До сих пор в глазах эта картина: нескладная фигура, пыль от платья. А муж сидит рядом на ступеньках и шутливо кричит ей: «Ах ты, моя красавица! Да хоть зашла бы во двор, а то поддеревни смотрят на тебя!» А она его матюгами: и пустыть, мол, смотрят, ей все равно.

Как раз в эту ночь собралась гроза. Она бушевала во всю свою буйную июльскую силу, наводя жуть на притаившуюся неспящую деревню. А он стоял у окна и при каждом ударе грома выкрикивал что-то одобрительное, веселое, бодрое, смеялся и ликовал, как будто встречал долгожданное чудо. Из глубины избы жена кричала ему: «Эй, отойди от окна, черт сибирский, влетит молния, дождешься!» – «Да что ты, Ласточка, красота-то какая, а ты страх на себя нагоняешь!»

Работал Виктор шофером. На самом лучшем счету был. Николай Михайлович, вспоминая, рассказывал:

– Ничего о нем плохого не скажу. Как ты думаешь, когда и на чем деревенский человек проверяется? Правильно, на работе. Только вопрос, на какой. А я тебе отвечу – на общественной! На своей-то каждый ломит. Свое есть свое. А вот, представь, сенокос. Раньше-то в деревне по три, по четыре десятка человек в луга выходило. Вот здесь и высвечивались и мужики, и бабы. Ну, к примеру, приходили, косы – в руки, каждый свой прокос ведет. Хороши-то да ответственные, у кого душа за дело общее болела, сразу друг за другом вставали – и нумахать! А кто-то все норовил тридцатым, а то и сороковым оказаться в шеренге. Почему? А как же! Пока этот лентяй свое место займет да косу поднимет, первые-то уж за ним становятся по второму кругу. Вот

и смекай, сколько за утро-то расчетливый выгадает да простот!

А баб тоже видно, кто плутня, а кто грабли из рук не выпускает. Иная раз пятнадцать сбегает в кусты, будто по нужде. А та и нужда, что в холодке простоит да переждет. Вот тебе и расчет простой.

А Виктор – нет, ни от какого дела не отказывался.

У нас весной, в водополицу, все лога играют. На дорогах колдобина на колдобине. А молоко с фермы надо каждый день возить на заводишко в Мыт за полтора десятка верст. А весенняя верста – за десять!

Кому ехать? А Виктору. Помню, мы его, подростки, сопровождали, грузчиками вроде. Ну уж и ехал! Вода в кузове, мы, как петухи на заборе, на бидонах спасаемся, а он едет да песни орет. И ведь никогда машину в грязь не посадит, выведет. Нет, зря человека не похаешь...

Умер он как-то внезапно. Вроде и не болел. Правда, мужики часто смеялись над ним на работе, когда он вдруг садился, хватался за грудь, задыхаясь. Не верили. Деревенские не привыкли по больницам ходить, да и возможности у них такой нет. Все дела, дела бесконечные, а больница далеко. Где и заболит, так, если терпимо, и рукой махнут на себя: пройдет, отболит и кончит. А еще и стесняются свои болезни показывать. Это в городе часами могут у подъезда своими хворями хвастать. А в деревне больной – значит, никудышный, квелький, не работник. Вот и он, знать, тогда только открывался, когда уж немоготу становилось.

К свадьбе младшего сына готовились. Он гордый сутился, хлопотал, доставал, покупал, а за день до свадьбы и умер. Все припасы на поминки пошли, а не на торжество...

Давно все было. Ласточек сейчас за семьдесят. И сколько работы прошло через ее руки за эти годы! Дети, внуки, друзья и знакомые детей из города постоянно наезжают. То по грибы, то по ягоды, то на охоту; те, кто раньше сбежали в города, а теперь приезжают слезу пролить над родимой деревней, – все останавливаются у нее. И ведь всех приветит, накормит, найдет местечко для сна. Хозяйство еще не порушенено. Свинья, теленок, овечки – все присмотря просят. А усад, огород? Теперь у нее ноги плохо ходят, переваливается, долго идет и до колодца, и до соседки.

Я как-то посочувствовала ей:

– Достается же тебе, тетя Тоня. Терпенья одного сколько надо. И мужа, наверное, жалеешь, умер рано. Легче с ним было бы. Помнишь, Ласточкой он тебя звал?

Она усмехнулась и сказала так резко, зло о Викторе, словно он только вчера досадил ей чем-то:

– Да, нахлебалась лиха. А не жалко его! Вот как перед Б-

том говорю – не жалко! Восемнадцать уж лет у Егория (кладбище это) лежит да пылит в песок. Умер – туда и дорога.

За что не любила? Почему? И, словно отвечая на мой немой вопрос, она продолжала:

– Для всех он был хорош. И в колхозе работник отменный. А для меня – плок. Пил? Пил. А хоть чем-то он мне по хозяйству, по дому помогал? На ферме сколь годов я ломалась? Другие мужья прибегут, помогут своим женам то навоз вывезти, то коры раздать. Вручную все делали, посмотря-ка на мои руки, ноги. Все жили наверху, все вытянуты, все пересчитать можно. А он хоть бы раз пришел! Хоть бы раз! Ласточкой, да, называл. И этого до сих пор простить не могу. Не Ласточкой, Лошадью я была всю жизнь, и без него, и при нем. А он, глядите-ка, нашелся. Ласточка!

Вот так получилось. По отдельности – два хороших человека, а вместе – не вышла жизнь. Души общей не было. Может, и не дожил из-за этого Виктор своего века. Наверняка ведь чувствовал, что не любимый, не желанный. Ненужность свою ощущал. Это и подгачивало.

В народе замечено: пока в доме живут люди, а из колодца берут воду, они служат человеку долгие годы. А пустеет дом – и ветшает он на глазах. Забывают колодец – мутнеет и пропадает в нем вода, обваливается сруб. Вещи умирают, когда чувствуют, что нет в них нужды. К сожалению, это характерно и для человека.

Балагур

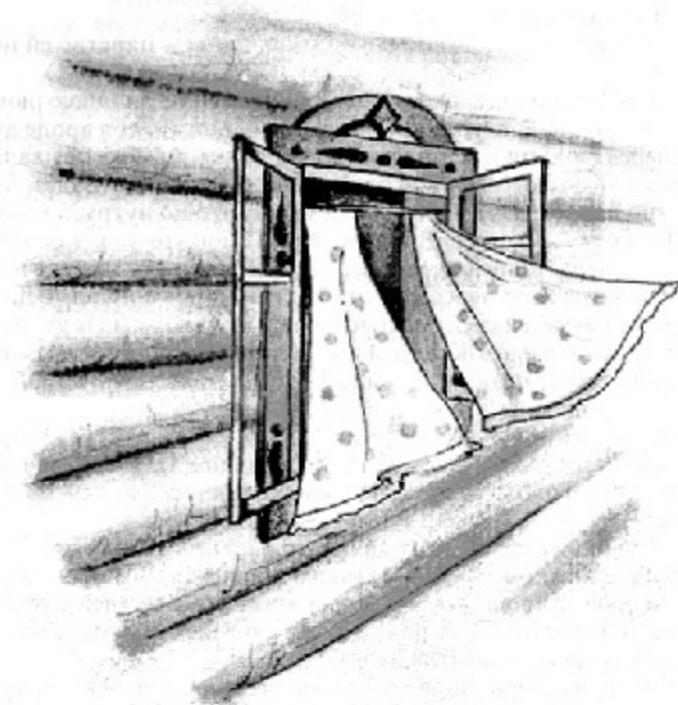
Праздник. Петров день. Солнышко играет. Ветерок приятный веет от леса.

У колодца на скамейке принаряженные женщины, девчонки. Тихо-мирно беседуют. Павел Дмитрич черпает воду, прислушивается к разговору.

– Здравствуйте, красавицы! – слышится вдруг громкий сиплый голос позади. Все вздрогивают, оглядываются, и с полминуты над скамейкой, над колодцем, стоит ошеломленная тишина. Потом она взрывается девчоночным визгом, хохотом женщин.

Девчонки убегают стремглав. Павел Дмитрич возмущенно бранчит колодезной цепью, рывком поднимает ведра и, в сердцах сплюнув, удаляется к своему двору.

Во всей красе перед женщинами остается Геннадий Курицын, неисправимый шутник, враль, балабол и насмешник. Он в зимней заячьей шапке, брюки закатаны выше колен, на голых тощих волосатых ногах огромные валенки с калошами. Все. Больше на нем ничего нет.

Невозмутимо, поглаживая обеими руками живот, несколько вываливающийся через пояс, он подходит к скамейке, с каждой из женщин здоровается за ручку и не торопясь разваливается на траве рядом, подставляя солнышку спину.

– Ну не бесстыжая ли ты рожа, – смеясь, отчитывает его Марья Ивановна. – Ну неужель не совестно в таком виде при

народе показаться? А девчонок-то напугал, и не соберешь теперь по деревне.

— Девчонки найдутся, — машет рукой Геннадий. — Вот убежали — зря. Жалко, не услышат, что я скажу.

— Знамо, не весть что потеряют, — посмеивается его двоюродная сестра Вера. — Хватит людей-то смешить. Ко мне, что ли, направлялся? Так пойдем, стол накрыг.

— Это успеется. День весь впереди, — спокойно отговаривается Геннадий. — Мне вот с красавицами хочется поговорить.

У него все красавицы: от шестилетней пигалицы до древней старушки.

— Вы матушку мою помните?

— Как же, как же, — завздыхали женщины, — царство ей небесное!

— Так вот, никогда она меня не бранила ни за лишнюю рюмку, ни за то, что я, пожилой уже человек, иногда себя вроде дурака перед людьми выставляю. «Чуди, Генка, — скажет бывало, — самому так-то веселей и около тебя человеку легко будет, чудачество не зло». Ну, люди разные. Кому это по нутру, а кому-то как кость в горле. Видели, как Павла-то перекосило? Конечно, он серьезный. А мне, верите ли, бабы, пяти минут с ним не поговорить. Скулы сведет от скуки. — Он помолчал. — Да и речь-то не о нем. А перед смертью — она, вы знаете, у меня умерла, в городе — и сказала: «Живи, сынок, долго и запомни эти вот мои пожелания: жену не обижай, ума не пропивай, материн дом в деревне не продавай».

На скамейке было тихо.

— И умерла-то она в этот самый праздник. Пятнадцать годков прошло. Только лето тогда было холодное. Вот так-то, бабоньки.

Он встал и пошел от скамейки, только не к сестре, а домой, в родительский дом. Женщины молча провожали его взглядами.

Он прошел тропкой мимо пруда, мимо дома соседей, открыл аккуратную калиточку в палисадник и по свежевыкрашенным ступенькам на крыльце поднялся.

Хлопнула дверь. Видно было, как из открытого окна в кухне ветерком выдувало пестренькую занавеску. Что-то сказала Геннадию жена Римма. А потом вздохнула в его руках гармошка. И то ли засмеялась, то ли заплакала — не понять было.

Хлеб приехал!

Раньше как было? Пылила за окольцей машина, вездесущая ребятня оповещала под окнами: «Хлеб приехал!» Спешили с мешками, с бельевыми корзинами. По четырнадцать копеек буханки — в мешок, для скотины, дешево, не жалко. По восемнадцать — в сетку, себе, с супом и молоком. Деревенский магазинчик работал исправно, три дня в неделю. Чай, сахар, крупы, маргарин — все было. А потом — перестройка, переход к капитализму, горел бы он быстрым огнем; все пошло-поехало наперекосяк. Продавщицу «сократили», торговую точку закрыли, на двери замок повесили, окно ставнем загородили. Стоит теперь строеньице в жирных лопухах.

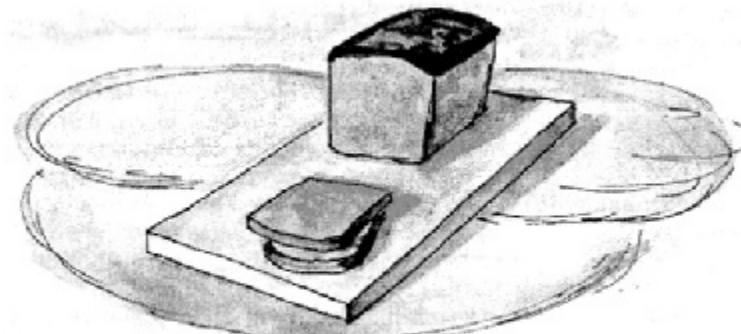
Продуктовая машина из Мытища появляется раз в неделю, а если дожди, грязь — не появляется вовсе. Привозят только черный хлеб и — обязательно — водку.

— Что же ты, Сонюшка, белого-то не привезла?

— Так пока до вас ехали, все в других деревнях разобрали. Берут черный, есть-то надо.

А с недавних пор прилетают в деревню разноцветные «девятки» с бойкими молодцами. Выставят товар — глаза разбегаются. Люди машину окружают, рассматривают, прицепняются. Берут в основном дачники, они денежные.

Тетя Поля с костылем долго мнется у этого великолепия.

— Так сколько, сынок, рогалик-то? — в третий раз переспрашивает она.

— Пять рублей, бабка, пять рублей, бери, чай будешь гонять! Берет один, бережно убирает в мешочек.

— А вот эта баночка с рыбкой?

Услыхав цену, испуганно моргает, отходит.

К нашему крыльцу нерешительно направляется Павел Дмитрич, смущенно говорит, отводя глаза:

— Мне Тонида сказывала, ты ей денег взаймы дала. Может, и для меня найдешь немногого? Не несут, понимаешь, пенсию-то. Каждый день обещает почтальонка — и не несет.

Я поспешно открываю кошелек, протягиваю бумажку. Старый человек радостно семенит к машине. Он — один из тех, кого извечно называли кормильцем России-матушки.

Как же она теперь их кормит?

Десятка

Зима стоит, каких давно не бывало. Снега, метели, заносы. Колхозный бульдозерист расчищает дорогу от центральной усадьбы только до деревни. А если и в деревне — просит с дому по десять рублей в месяц. Все согласны. Деньги небольшие, да

и нельзя иначе. Случись что, ни «скорая», ни пожарные не подъедут, не помогут.

Только Александр Иванович Тетерин долго бурчит и доказывает, что бульдозерист обязан улицу расчищать и без «дополнительной оплаты», и денег не дает.

— Сквалыга, хромой черт! — в сердцах бросает вслед уходящему Павел Дмитрич.

И все почему-то вспоминают, как прошлой зимой в жестокие морозы у Тетериных околела собака — гладкошерстный английский сеттер — потому что ее не пустили в тепло, в дом.

Корова

Корова на гумнах мычала давно, однако в дневной сутолоке вроде и не замечалось ее беспокойство. Но сумерки начали спускаться на деревню, и она закричала уже криком, как человек, которому страшно и неуютно оставаться одному в надвигающейся темноте.

Я не выдержала и пошла прогоном к ней. «То ли заснул Николай, то ли хлебнул лишнего и забыл про корову?» — с тревогой гадала я.

Но только вывернула из-за вишен, как его и увидела. Он шел и еще издали увещевал корову:

— Ну, что ты орешь? Заели тебя, что ли? Погляди-ка, и ничего страшного кругом нет, а ты ухаешь, как оглашенная, на людей тоску наводишь, себя пугаешь.

Меня он не заметил. Видел плохо. Невысокий такой, худой, как подросток. Корова нетерпеливо ходила на привязи, не спуская с него глаз, и, словно понимая речь людскую, обрадованно, коротко мыкала.

Он отвязал ее и повел. И пошли они неторопливо, спокойно: он — покуривая, она — изредка наклоняя голову и захватывая губами траву.

— Не наелась, что ли? — добродушно ворчал хозяин, и корова шумно вздыхала. Свернули с тропы и огородом ушли к дому.

«Ведь вот поить еще будет, доить, с молоком возиться, разливать, может, и горшков чистых нет?», — жалея, подумала я.

Два года назад он овдовел. А перед этим они и корову забили, из телушки вырастили. Как радовалась Валентина, что корова хорошая удалась, что молоко вкусное. Как-то мы стог метали в лугу, она наверху стояла. И раз пять, наверно, про нее вспомнила, все сверху выглядывала, где корова, не сорвалась ли, не ушла ли куда. Вскрикнула вдруг испуганно:

— Николай, нет коровы-то что-то!

— Да полно тебе, чай, поди, легла, а ты сутишься, нервничашь.

— А ведь и правда, — обрадовано сказала она, всмотревшись, — лежит, вон голова из травы выглядывает.

Мы все посмеялись и продолжали снашивать копны к столу. Для Зорьки старались. Нельзя сказать, чтобы они жили дружно и счастливо. Характер у Валентины был сложный: вспыльчивой и раздражительной она была. Но Николай Михайлович умел сглаживать все углы, да и жена остывала быстро. От людей скрыть неладное в семье трудно. Но все равно он, после очередного шума в доме, выходил на улицу, будто за делом, и кричал под окнами: «Валь, выди на минутку, вынеси ведро, на колодец схожу!» Вот, мол, глядите, люди, ничего плохого у нас не произошло. Ну, пошумели, чего не бывает. Люди понимали, привыкли.

А тут и беда подкатила. И Николай Михайлович растерялся. Плохо, когда человек остается один, но женщине все-таки легче. А тут... Все вдруг легло на его плечи: живность, печь, стирка, уборка, кастрюли — словом, то, что является обычно уделом женским. Не раз он со слезами говорил:

— Лучше бы спореть сто раз, пусть ничто бы не осталось. В бане стал бы жить, только бы с ней... А с коровой не знаю, что и делать. Овцы — те глупые, ничего не понимают, их лишь корми, им все равно кто. А Зорька-то косится, сторонится... Я уж Валентинин плат надеваю, когда иду доить. Вздрагивает, но стоит, терпит. Продать ее? А чем жить? Тут хоть молоко берут соседи — все лишняя копейка. На пенсию не разбежишься. — И, помолчав, вздохнул:

— А самое главное — о Валентине память.

Корова осталась на дворе. Постепенно привыкла к мужским, не очень ласковым рукам. С нею у хозяина и душа как-то отходила: он с ней разговаривал, ругал ее временами, советовался, ухаживал. Летом для нее сена заготовить надо, и немало; зимой — поить, кормить, с бадейками на двор правиться. Время быстрее шло, дела от тоски спасали. Сын со снохой приезжали из города редко, только на все лето присыпали старшего внука. Помощь от него была небольшая, но хоть живой человек рядом.

А среди зимы получили от Николая Михайловича тревож-

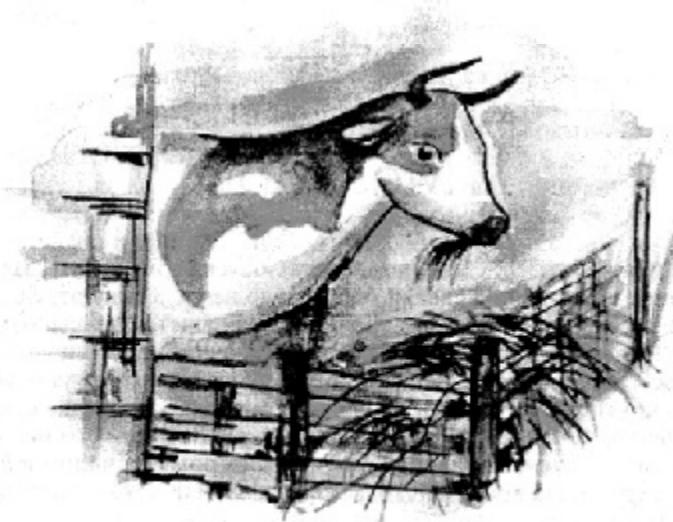
ную телеграмму с просьбой срочно приехать в деревню. Что хоть еще случилось? Муж нанял машину и уехал, а я два выходных дня терялась в догадках, пока он не вернулся и не рассказал, что за поспешность заставила брата дать телеграмму.

Заболела корова. И случилось это по вине, по недогляду самого хозяина.

— Понимаешь ты, — рассказывал он мужу, — я комбикорм держу на дворе в старом сундуке без крышки. Досками прикрываю. А тут взял бадейку ей в пойло, а закрыть-то забыл. У Зорьки надо было навоз из хлева вычищать, я ее выгнал и не торопясь орудую вилами, а она по двору бродит. Задумался за работой. Корова, не будь плоха, уюхала этот комбикорм, подошла и ну наворачивать, сколь душе угодно. Когда я, слепой мерин, присматривалась, она, может, бадейки четыре успела заглотать. Я так и сел в навоз...

Ну что, объелась корова! Закупорка в желудке получилась. Не ест, не пьет, стоит, понурясь, возле стены. Я ей и того, и сего, гонял ее по снегу — нет, ничего не помогает, бока у нее каменные. Вот веришь ли, в один момент я не выдержал: обнял ее за шею, как бабу, ей-богу не вру, и заголосил. Пропадет животина, резать надо. А куда с мясом? Кто повезет? На чем? Кто, к примеру, торговать будет на рынке? Я тебе и отбил телеграмму. Думаю, две головы все же лучше одной.

Познания в животноводстве у мужа были не ахти какие. Но

все же кое-что смыслил: покойная мать держала корову, и тоже случалось всякое.

Решили так: зарезать всегда успеется, надо все средства перепробовать, авось и подлечит бедняге. Взялись они Зорьку лечить. Вливали крепкий чай в глотку, пол-литра водки, поллитровую бутылку подсолнечного масла. Разглаживали, разминали бока. Намучились! Но чудо! Их старания не пропали даром. Корове сделалось легче и лучше. А потом за жизнь ее уже не опасались.

У Николая Михайловича отлегло от сердца.

— Нет, — решил он, — хоть и трудно, пока хоть что-то вижу, корову буду держать. Вот когда, может, решусь в больницу на операцию ехать, придется в хорошие руки продать. И обязательно чтобы женщина была, чтобы Зорька к ней побыстрее привыкла...

Летом мы снова приехали в отпуск. Зорька благополучно доилась. Николай Михайлович, как всегда, порадовался нашему приезду.

— На кладбище по весне ходил, — как о сокровенном, поведал однажды, когда мы сидели за тихим разговором на крылечке, и голос его дрогнул. — К Вале. Ты была там хоть раз?

Я там была. Видела ее фотографию на памятнике. Спокойно, улыбчиво смотрит на кладбищенские цветы, травы, лесок. И черные косы перекинуты на грудь.

МОНОЛОГ

Мя-я-я-у! Так спать хочется, а хозяева что-то сегодня не спешат ложиться. И свет, и маленькую не укладывают, сказку не читают, а мне под нее так хорошо мурлычется и засыпается!

Мя-я-я-у! Сходить в кухню, что ли, может, что в блюдце осталось... Ну вот, когда так гладят, красавицей зовут, а тут брысы! — не крутись под ногами. А где же крутиться-то? Везде сумки какие-то, чемодан огромный... Мур-р-р... Вот из этого мешочка чем-то вкусным пахнет... вроде бы сыром. Да ладно, уйду, уйду, уйду... На кровать, что ли, прыгнуть или на подоконник... Опять согнали... Ничего не понимаю!

Зачем меня схватили? Куда-то несут... На улицу! Да я же туда совсем не хожу, забыли, что ли? Я боюсь, боюсь, там такие страшные собаки, я их с балкона видела-а-а... Буду царапаться! И укусить могу... не пойду-у-у!

Куда вы меня пихаете? Здесь пахнет чем-то неприятно, ох, задохнусь! Одну оставляете? Нет, все лезут, садятся, меня толкают, смеются... им хорошо, а мне-то? Ой, зафыркало! По-ехали-и-и... Все мелькает, голова закружилась...

Куда бы голову-то спрятать? Вот сейчас за спину к хозяйке протиснусь, глаза закрою и дышать не буду... Вроде бы полегчало... да зачем вы меня вытаскиваете, мне здесь не так страшно... Зачем берете на руки? Почему дрожу? Откуда я знаю?.. Дайте хоть попить! Ну, спасибо, полизала с ладони...

Господи! Они говорят, что это мы едем! И долго ли еще ехать? А куда? Ведь как было дома хорошо! Почти весь день одна, где хочу, там хожу, лежу, прыгаю, опять же — кормежка вкусная...

Ой, как тряхнуло, кажется, желудок через пасть выскочит... А им весело... Щебечут всю дорогу, какие-то песни слушают, меня тискают... Вот нашли время для нежностей... Дуська, Дуська... ну, Дуська, и что?

Хоть глаза открыть на секунду. Что это? Темно... И остановились, не трясет больше...

Опять ташат! Теперь-то куда? Может, домой приехали? Да, да, вот они шумят об этом: дома! дома! Ну, и где же дом? Боже мой... это не наш дом! И комнаты не те... и пахнет чем-то странным. Да, походи, погляди, понюхай...

Стра-а-а-шио! Это диван? Все, прыгаю, ложусь, вцепляюсь лапами — не отдерете! Нет, не хочу! Не надо никакого молока! Оставьте меня в по-ко-е!

...О ком это они говорят? Я? Лежу уже целый день? Не может быть... А что это я?... И есть хочется... Раз, два, три! — прыг!.. А вроде и ничего, просторно, только между комнатами высоко, прыгать надо, а-а! Говорят, пороги какие-то... В коридор зовете? Иду-иду... ой, рыба... фу, дома не такая... говорят, речная. Может, попробовать? У-р-р-р... Ничего, свежая... спасибо... И попить дадите? Нет, после рыбы лучше водички, нет, нет, молока не надо... Ну и что — от коровы... пока воды!

А где здесь горшок? Ну где горшок?! Иди на улицу, во двор? Иду, иду... Ну и простор! И тихо! Нет никого...

Вот уже где полазаю... Ага, вот дверца... А это что? А-а-а, огород, дома меня тоже возили на огород... в корзинке или в мешке, рюк-за-ке, за плечами... да, хозяин возил... Нет, здесь лучше! Солнце! Трава! Грядки... Вот и горшок... А земля-то мягкая, душистая...

Ой, бабочка... птичка! А это кто вылезает из кустов? Боже мой? Местный кот! Ну все, пропала...

Рыжий и Серый

Если сравнивать жизнь городских и деревенских кошек, то, пожалуй, жизнь последних более благополучна. Во-первых, у каждой из них есть дом и хозяин, чего не скажешь о тех бедных городских созданиях, которые вынуждены скитаться по подъездам и подвалам. Во-вторых, у них нет проблем с кормом. А городским приходится надеяться исключительно на доброту и милосердие тетя Катя и тетя Шур, которые их подкармливают. Наконец, в деревне к кошкам теплое уважительное отношение (они тоже работают: ловят мышей, крыс), их никто не пинает, не бьет палкой, не обжигает усы, как это бывает с кошками городскими, над которыми издеваются переростки-бездельники.

Но бывают печальные исключения и в судьбе деревенских усатых-полосатых.

Например, кому-то не нравится чистота и порядок, никак не привыкающих к порядку. Их уносят на ферму, где они вынуждены жить долго, иногда всю жизнь, если кто-то их не заберет в дом. А еще среди дачников есть такие, правда, единицы, которые привозят любимцев на лето красное в деревню погулять на травке, а потом их мило забывают. Ну уж на следующий год и достается им от деревенских справедливых женщин, и поделом!

Именно так несколько лет назад, когда за окопицей стояли еще конюшня, коровник и овчарня, появились в деревне Серый и Рыжий. Брошенные хозяйкой-дачницей, они сначала разбирались в деревне, лупя местных котов и воруя пищу, которая где-то плохо лежала. Надо же было выживать!

Однажды Рыжий, отличающийся особым аппетитом, забрался во двор к Борису Ивановичу в надежде чем-либо поживиться и печально попал в капкан, поставленный на крыс. Он рвался из него всю ночь и перекрутил себе правую переднюю лапу.

Когда потрясенный случившимся Борис Иванович вынул его из капкана, кот был еле жив. Борис Иванович плакал. Он выхаживал кота и решил оставить его у себя.

Вместо лапки осталась у Рыжего половинка, да и та усохла, кот поправился, но осталась у Бориса Ивановича не поже-

дал, может, обиделся на людей, а может, привычка к вольной жизни победила или не захотел оставлять в одиночестве серого братца.

Оба кота ушли на овчарню и остались жить там. Валентина и Николай Михайлович, ухаживающие за овцами, приносили им из дома молока и хлеба. Спали они, забравшись на теплые, мягкие курчавые овечьи спины. Сначала глупые овцы шатались от котов, чуть не на стены лезли, вытаращив безумные глаза, особенно если коты внезапно спрыгивали в гущу стада, чтобы устроиться на ночлег. Да в темноте-то! У овец чуть припадки не случались. Николай Михайлович кричал на котов: «Вот навязались! И что вы здесь ошиваетесь! Шли бы на коровник, балды, там сытнее!»

Но со временем все ко всем привыкли, и овцы иногда только недовольно пофыркивали на котов, а бараны пробовали шутливо боднуть их.

Рыжий и Серый делали редкие весенние вылазки в деревню к подругам, вступали в бои с домашними Васьками и всегда выходили из них победителями. Иногда они, как две собачонки, бежали за Валентиной и Николаем Михайловичем к ним домой, а наутро шли с ними на работу.

Но пришли другие времена, веяние которых отразилось не только на людях, но и на четвероногих.

Деревня стала «неперспективной», угнали коров и овец, забрали на центральную усадьбу трех последних лошадей.

Валентина и Николай Михайлович к этому времени, к счастью, вышли на пенсию и могли уже не работать. А коты? В пустой овчарне осенью бесприютно засвистел ветер, стало холодно, и Рыжий и Серый перескочили к своим благодетелям. Ну куда их выгонишь? Стали жить во дворе, опять же с овцами. В дом их нельзя было заманить ничем! Они подружились с Шариком, мирно жили и мирно ели из общего корытца. Так ишло время.

Почему они начали ходить к нам в гости, я не знаю. Но однажды в сумерках, открыв дверь из коридора во двор, я увидела, как по крутым ступенькам метнулись две тени. Уж не крысы ли? Но из-под коридора вдруг донеслось не то грозное, не то жалобное кошачье завывание. Вон кто пожаловал!

Как раз в этот день муж ходил на рыбалку, и я вынесла котам по рыбешке и оставила на ступеньках внизу. Через минуту послышалось урчание и хищный хруст. Серый и Рыжий пировали.

Серый был посмелее, а Рыжему доверять нам мешала, видимо, память о злополучном капкане. Но через несколько дней и Серый, и Рыжий стали появляться у окошечка-лаза в коридоре. Обычно раздавалось негромкое мяуканье, в окошечке показывалась усатая морда — гости явились!

Я уже не выносila на песенку гостинцы, а оставляла их у

лаза. И со смехом наблюдала, как из окошечка протягивалась серая или рыжая лапа, молниеносно схватывала кусок и исчезала. Однажды вздумалось мне подвинуть рыбку поближе к лазу, подумала, вроде далеко, не достанут коты – р-р-аз! – в руку вцепились когти, я ее с визгом отдернула, по пальцам потекли крупные капли крови. Вот благодарность!

– Сама виновата! – сказал муж. – Ведь почти дикари.

Коты приходили аккуратно. Днем мы часто видели их лежащими в густой траве в палисаднике. А то иногда смотришь в окно: по тропинке деловито ковыляет на трех лапах Рыжий, за ним не спеша идет Серый.

Как-то мы Серого поймали, заманили в кухню кусочком мяса и посадили на печку. Какой утробный вой огласил дом! Как загорелись зеленые глаза! Я в то время мыла около печки посуду и увидела, как Серый через мою голову смотрит в окно, готовясь к прыжку.

– Открывайте дверь! – в ужасе закричала я. – Выпускайте, не то махнет в окно, порежется!

Больше заманивать котов в дом мы не решались. Уезжая, мы их кормили плотно и оставляли еду на полу в коридоре ... Кто сообщал им о нашем приезде через год? Но каждый раз, не успев еще как следует оглядеться и разложить по местам привезенное, мы слышали мяуканье во дворе и лицезрели то одну, то другую усатые морды в окошечке. Мы радовались, что Рыжий и Серый живы, что снова все лето они будут мелькать на тропинках, в огороде, во дворе. Я считала святой обязанностью накормить их, как членов семьи. Серый уже частенько входил в коридор и даже дремал на половицах, а потом мы могли его даже и гладить. Рыжий смотрел издали ...

Первым, как это ни странно, нас через год не встретил Серый.

– Как же это, Николай Михайлович? – растерянно спросила я.

– А вот так, Татьяна, так, – вздохнул он. – Все живое приходит к одному концу. Что же делать, видно, время пришло.

В это лето Рыжий выглядел нештучно; но уже видно было, что он старый. Морда у него стала какая-то широкая, щеки раздвинулись. Он больше не дичился, терся о наши ноги, даже оставался ночевать во дворе на жердях на старом одеяле.

Поздней осенью мы прискали в деревню дом проверить, Николая Михайловича и Валентину повидать. Рыжий был упитанным, важным котом, и я порадовалась, уверовав, что зиму он переживет благополучно.

Но весной Рыжий к нам не пришел. И я уже ни о чем не спрашивала Николая Михайловича.

Серафима и Лександро

В деревне встают рано, но покой соседей берегут. Мало ли, у кого-то внуки маленькие спят, кто-то приболел, к кому-то вчера поздно гости из города приложали.

Молча поклонившись друг другу, разойдутся на тропе; у колодца ведерком лишний раз не звякнут; соседки не высунутся из окон и не закричат на всю улицу, хороши ли удалились у той или у другой хлебы. А уж если кто забудется, того и оговорят сразу.

– Сережка, – иной раз скажет Марья Ивановна единственному молодому парню в деревне, – ты почто утром всех переворошил своим мотоциклом? За грибами ездил? Так имей соображенье, выведи свою машину за окопицу, там и тарахи, сколь душе угодно.

Но в это утро деревню разбудила разудалая песня. Кто-то во весь голос, с чувством пел: «Живет моя отрада в высоком терему...»

Изо всех изб заспешили на улицу удивленные и рассерженные хозяйки.

– Эй, Лександро, чтоб тебя! – возмущенно зашипела со своего крыльца Тонида. – Что же ты горло-то дерешь ни свет ни заря?

– Спокойно, тетка, – пьяно ухмыльнулся Лександро, – не мешай праздновать, у меня сегодня день рождения.

– А-а, – разочарованно и понимающе протянула Тонида, – ну иди, иди в свой терем, твоя отрада, чай, уж и скалку припасла, встретит и употчует.

Все, посмеявшись, убираются в дома.

Дело в том, что к дням рождения Лександра давно все привыкли. Он празднует их несколько раз в году, когда, как он выражается, «протестует против политики своей жены Серафимы». А политика эта однозначна: полный год, без выходных, без проходных работай, гни спину, запасай, надрывайся. А куда, зачем? Много ли им, двоим, надо? Детей нет и не было никогда...

Лет двадцать пять... да, пожалуй, лет двадцать пять назад

в сорок лет Серафима, старая дева, взяла примаком в дом двадцатилетнего парня из дальней деревушки Мошково. Новость эта надолго взбудоражила всю деревню. На лавке, хлопая себя по коленям, Марья Ивановна высказалась:

— Был бы умный Санька, не женился бы на Симухе.

И все согласились, что Санька Малков — дурак. Ну, дурак и дурак. Стали жить. У Серафимы с матерью денежката водились, и скоро молодые отделились, поставили щитовой дом. Первые два или три года Санька, выпив в Петров день и лежа под береской на траве, жаловался мужикам:

— Я ее прошу: ну хоть малосеньского какого ребеночка роди, а она только ругается.

— Всему свое время, — вздыхал Павел Дмитрич, сам бездетный, сменивший трех жен. — Мои вон с молодости не рожали, а уж от твоей старой прорехи дождешься ли?

Потом Санька успокоился, втянулся в хозяйство, летами пас колхозных телок, по зимам они с Серафимою ухаживали за ними на ферме. Годы-то как вода текучая бегут. Много их набежало и у Серафимы с Лександром. Зато теперь их дом — полная чаша. Такой чистоты, ухоженности нет ни в одной усадьбе. Дом как картинка, весь выкрашен масляной краской, в палисаднике яблоки зреют, в огороде, на гумнах — везде видна рука заботливого хозяина. И отношение к Лександру изменилось давно. Та же Тоница не раз в сердцах кричала своим сыновьям-пьяницам, наезжающим из города:

— Санька-то? Какой он вам Санька? Лександр он! И во сто раз вас умнее! Да такого дельного мужика в деревне и нет! Ему бы вот женку-ровесницу, чтоб жил с ней в удовольствие, а то, чай, все руки протер об сухие Симухины бока. Бедолага молодого бабьего тела не видел сроду.

А он живет себе. Недавно к нему в гости привозили старенькую Санькину мать. Наблюдая с лавки, как старушка деловито снует из огорода в дом, приезжая учительница сказала задумчиво:

— Ведь вот зачем-то родила она его на свет.

— Как это зачем? — возмутилась Марья Ивановна. — Чай, не всем ученым быть, кто-то и за телками ходить должен. И что, если детей нет? Его, что ли, вина? А он... он в другом себя показал — он хозяин. Хозяин! Наших мужиков еще за пояс заткнет. Вот так! А что заливают, протестует — так он живой человек, а не машина. У Серафимы глаза прыткие да жадные, ей все мало. Запротестуешь!

...А Лександров праздник продолжался. Он победно прошелся до конца улицы, вернулся к своему дому, и через минуту из открытого окна послышалась ругань. Серафима выбежала со двора и, переваливаясь, пустилась в огород. За ней выскочил Лександро, и слышно было, как в Серафиму полетели ведра, тазы, подвернувшиеся поленья.

— Люди добрые, помогите! — выла Серафима. Но добрые люди спокойно слушали ее вопли, потому что по многолетнему опыту знали, что, с тех пор как однажды Серафима сдала Лександро на пятнадцать суток за разбой, а ему это не понравилось, все тяжелые предметы летели не в Серафиму, а мимо. И она это знала и жалобилась не со страха, а так, больше для порядку, показывая, как устала она жить с мужем-дураком.

Во второй половине дня, опять же не вызывав никакого удивления у соседей, Лександро, как ни в чем не бывало, завел «Муравью». Симуха взгромоздилась в мини-кузов, и странная эта пара дружно отправилась накосить для коровы отавы на колхозном клеверном поле.

Так разве не загадочна русская душа?

Недавно комитет
помощи бедноты
запросил у администрации
дома для престарелых

Чужие караси

Благодатная пора — июль! Небо с самого утра чистое, и таким оно остается весь долгий день. Солнце жаркое, ветерок с южной стороны теплый: сенокос в разгаре. Травы добрые, испроверт кося. За два дня они высыхают, оставаясь зелеными, яркими. А где пореже трава — там и обыденкой сохнет: с утра по кося накосил, к вечеру убрал в сарай. Самое лучшее сено! Под дождь не попало, соки из него не вымыло, все при нем! Такое сено, как угощение, дают холодной зимой стельным коровам да овечкам. Съедают все подчистую, только подавай!

Вот и спешат в деревне управиться с сенокосом на усадах до Петрова дня, пока не начались дождички-сеногнойники. Вроде и не сильные, а моросящие, надоедливые. Не дай Бог, попадут скошенные травы под такие дожди: пожелтеют, покернеют, лист опадет, одни бычки останутся, когда высохнет валок в установленноеся ведро. А уж если затяжные дожди — совсем беда: врастет валок в землю, не отдерешь.

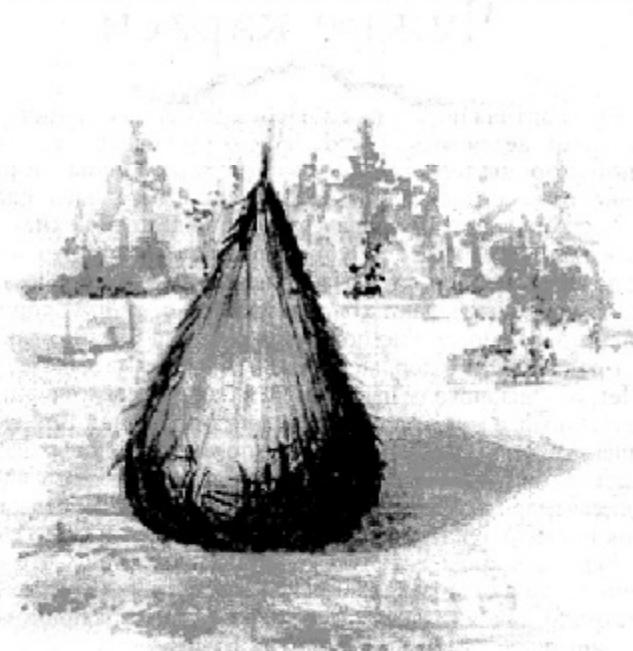
Всякие, правда, есть хозяева. Иным все равно, что в сарай убирать или в стог метать: не нам есть! Таких осуждают, если не открыто, так за глаза в разговорах или про себя припоминают: нерадивый...

Вова Рюмин встал не рано. Вышел на крыльце, тряхнул густо поседевшей головой, прогоняя остатки сна, сел на лавочку у палисадника и довольно прищурился на солнышко.

Погодка-то! Вове нравилось, когда в травке огоньки-росинки блестят, поют по деревне петухи, где-то на задах за огородами вжикают косы, перекликаются соседи. Обычно зиму он жил в городе с женой, от которой давно отвык и которая на него не очень-то и внимания обращала, а с ранней весны и почти до декабря блаженствовал в деревне в родительском доме, добротном, с новой баней, с пасекой в десять ульев.

Старший брат недавно умер, и Вова остался единственным наследником. За домом и усадьбой он следил, в огороде, как и все, сажал картошку, огурцы и помидоры (рассаду давали соседки), лук. И пил... Много и каждый день. Самогонку в деревне производили, Вова платил за нее медом. Такой расклад всех устраивал: у теток – «отличный продукт», как называл его Вова, а ему денег не требовалось на зелье.

В подругах у Вовы в деревне ходила Римуха, приезжая «дачница» из города. Вместе пили, ругались и мирились, ходили по улице с песнями, веселя народ. Но Римуха и помогала Вове, по крайней мере, в грязном он никогда не ходил. Римуха любила баню: своей не было, так в Вовиной она и мылась, и стиралась,

случалось, и спала в предбаннике на старом, выставленном сюда за ненадобностью диване с валиками и вылезающими пружинами.

Сестра ее, Капитолина, женщина тихого, степенного нрава, пыталась разлучить эту пару, но в конце концов махнула рукой: делайте что хотите!

Сидя на лавочке и зажмурясь на солнце, Вова увидел шагавшую к нему Римуху.

– Здорово, милаха! – гаркнул он и раскатисто захохотал.

– Здорово, здорово, – проворчала та, присаживаясь рядом.

– Ну что, бредень-то готов?

– Готов, готов! А ты-то готова ли? Что, прямо в платье полезешь в воду? И в тапках?

– Как хочу, так и полезу, – отрезала Римуха. И уже совсем другим мечтательным голосом поведала:

– Страсть как рыбки хочется. Да, а есть ли она в пруду этом?

– Есть! – уверил Вова. – Счас докурю, и пойдем.

Сосед, хромой Александр Иванович, ковыляющий с усада с косой, прокричал им через дорогу:

– Чего расселись-то, молодые? Косить вам не надо, что ли?

– А чего мне косить? – хвастливо отозвался Вова. – У меня все сковано, уж разве телеграфные столбы пойти косой пойдут?

– И сковано, и выпито, – мурлыкнула, ухмыляясь, Римуха.

– Ну-ну, вам ведь не скотину кормить, – согласился Александр Иванович.

Усад свой Вова, конечно, не косил. Литра за четыре самогонки он отдавал его тем, кто держал коров. И опять всем хорошо: Вове – не потей, тем – далеско не ходи, покоса не иши. Только вот вырученной самогонки им с Римухой хватало недолго.

– Ну, давай вставай, – сказал, поднимаясь и затаптывая окурок, Вова. – Хлопнем по стаканчику, чтобы не застыть, и айда!

Огородами они махнули на тропку и пошли усадами к пруду.

– А у Славы Попова в пруду ничего не водится? – спросила Римуха, когда они проходили мимо приятного четырехугольника с березками по берегам.

– Водится, да не про нас! Это пруд частный, а мы будем ловить в общественном, – весело пояснил Вова.

Вячеслав Попов – крепкий хозяин. Для своих овец и двух коров он и вырыл этот пруд. Пригласил обладателей техники – и дело сделано. Грунтовые воды заполнили водоемчик, трава застлала берега, березки выросли. Сначала Слава ревниво оберегал свой пруд, но однажды жарким летом разрешил ребятам в нем купаться. Дно, правда, глинистое, но не беда! Мальчиш-

ки и девчонки весело булыгались в теплой воде, иногда и кое-кто из взрослых освежался.

- На реку собрались? – спросил проходивший мимо Саня Малков.

- Поближе, – коротко ответил Вова.

Саня проводил их взглядом и попер короб с накошенной травой ко двору.

- Слушай, а нам не попадет от баб? – встревожилась Римуха, когда они подошли к пруду по соседству с большим болотом. Пруд и питался от него водой. – Ведь белье здесь полошут.

- Бабы перебоятся, – хохотнул Вова. – На баб еще ориентироваться, – ввернул он, довольный, недеревенское словечко.

Скоро пруд огласился визгом, хохотом, матерными ядреными словами. После второго захода рыбаки с удовольствием перекладывали из бредня в ведро аккуратненьких золотистых карасиков.

А в это время Саня пролез с коробом через калитку в огороде и бухнул его у двора. Тут он увидел, что у Тонидина дома собирались женщины.

- Бабы! – нарочно встревоженно закричал он. – Аль не слышите, что на пруду делается?

- А что? – всполошились женщины. – Уж не утоп ли кто?

- Вам бы все утоп, – рассердился Саня. – Рыбу там ловят! Бреднем!

- Рыбу? Бреднем? – взъярились женщины. – Да какие же это паразиты слов не понимают? Ведь сколь раз говорили, чтобы в этот пруд не лезли!

Они решительно снялись с лавки и трусцой направились через Настасин прогон к пруду. Саня устремился за ними.

- Где теперь белье будете полоскать? – подхлестывал он их, как кнутом по пяткам, своими торопливыми замечаниями. – Вода-то небось, как кисель, в неделе не устоится!

Разъяренные женщины взбежали на высокий бережок – и пошел великий лай! Ошарашенные таким натиском, Вова с Римухой метнулись к противоположному берегу, вылезли на траву и, чувствуя себя в относительной безопасности, лениво отбрехивались, обирая с себя цепкие водоросли.

И никто, кроме Саня, неглядел в осоке ведра с рыбой. Женщины стояли стенкой, и Саня за их спинами потребовались секунды, чтобы схватить ведро и спрятать в высоченной траве за тропинкой. А потом он как ни в чем не бывало начал рьяно поддерживать женщин и кричать на провинившихся не менее громко.

Вове наконец надоели правоучения, и он гаркнул со своего берега:

- Да ладно, мать вашу! Не полезем больше!

Но уже примерно через час Римуха прямо в непросохшем платье, в размокших тапках, привязанных веревочками, подошла к колодцу, где брали воду Тонида и Марья Ивановна, и дрожащим от обиды голосом сказала:

- Что уж вы, бабы, издеваетесь над нами? Ну ладно, глупость мы сделали, но зачем рыбу-то забирать? Вы неплохо живете, а у меня одна пенсия, на нее не раскупишься. Десяток карасей вам – тыфу! – а мне все приварок.

Женщины вытаращили глаза.

- Опомнись, Римуха! Да неужто мы рыбу взяли? Что ты говоришь? Мы ее и не видывали!

Но Римуха села на лавку и завыла в голос. Растряянные сестры обежали всех, кто был на прудке, все божились, что и ведра никакого не заметили.

- Лександро! – закричала наконец Марья Ивановна, увидев, что тот ведет из луга корову. – Подь сюда! Мы тут с рыбой разбираемся!

- Еще чего! У меня Серафима уехала в больницу зуб лечить, мне корову доить надо, а не с вами прохладиться. Да и в чем разбираешься-то?

Так ничего и не выяснив, недоумение пожимая плечами, все разошлись.

Римуху жалели.

На другой день приехала продуктовая машина. Вся деревня покупала снедь, в том числе и очень крупную замороженную рыбу. Римуха и Вова сидели в стороне на траве, ждали своей очереди.

Серафима, расплачиваясь, долго перебирала монеты в кочельке.

Кто-то из женщин спросил:

- Чего рыбы-то не берешь? Не часто ведь привозят.

- А Лександро вчера целое ведро наловил в прудке, пе хуже этой, – ответно похвасталась она.

Затяжное молчание удивило Серафиму. Она оглянулась и как-то неловко выбралась из толпы.

Вова резко встал:

- Уплыли, значит, карасики на Серафимину сковородку! – пробормотал он и прямиком заспешил к стоявшему на крыльце Лександру...

Дом

Под окнами буйно цвела сирень. Как в огромном букете, белая и фиолетовая вперемешку. На железную крышу щедро падали солнечные лучи; грачи ходили по крыше, скользили, скатывались на лапках книзу, суматошно хлопая крыльями и крича, летели на молодую высокую березу, всю в блестящих клейких листьях. Шумел теплый ветер. Все дышало, жило и радовалось.

А дом глядел невесело. И подходя, всматриваясь в окна с невыставленными зимними рамами, Татьяна подумала тревожно: «Господи, дом-то словно чувствует, ишь, нахмурился».

Умерла на девяностом году хозяйка дома, свекровь Татьяны. Им предстояли печальные хлопоты...

На другой день родня разъехалась. Дочерей до города увез племянник Виктор. А Татьяну муж попросил:

— Слушай, давай останемся еще на сутки, время в запасе есть. Не хочется уезжать. Да и прибрать все надо, столы, лавки, посуду соседям вернуть. Теперь надеяться не на кого, отчего уедем, к тому и приедем.

— Конечно, останемся, — ласково коснувшись его руки, согласилась Татьяна.

Так и решили. Поспешили со всем управиться, устали.

У Татьяны к вечеру разболелась голова. И в бане она поэтому ополоснулась наскоро, побоялась, как бы хуже не стало, хотя и веник был, и пару предостаточно. Хватило сил только до постели добраться.

Но странно: в недолгую эту майскую ночь Татьяна так и не заснула. Лежала рядом с мужем, всматривалась в неясно белевшие окна, тревожилась, как завтра будут добираться до автобуса: к ночи разненастилось, пошел дождь, ветер налетал порывами.

А в доме было тепло. Пахло протопленной печью, чистыми полами и еще чем-то особенным, присущим только деревенской избе. И звуки были свои, дому родные: вот по углу, быстро перебирая лапами, взобралась чья-то кошка, а потом скатилась вниз, чего-то не нашла на чердаке. За кухонным столом осторожно поскреблась и затихла мышь. Где-то постукивала оторвав-

шаяся от карниза доска. С новым порывом ветра вздохнуло в трубе.

Дом жил своей жизнью, и казалось Татьяне, что он печалился в夜里 о старой хозяйке. Это не дождь бежал по стеклам — дом плакал, потому что она никогда уже не выглядит из окна на деревенскую улицу, не стукнет поленицем у печи, не загремит заслонкой, не хлопнет дверью в прируб, не скрипнет половицей, тяжело шаркая по полу валенками.

И Татьяна жалела дом, жалела свекровь. Они с нею жили всегда дружно, умели припоровиться друг к другу.

Татьяна улыбнулась в темноте и, словно наяву, услышала свой вопрос и голос свекрови.

— Как ты замуж выходила, мама?

— Замуж-то? Да рано ушла, только не за того, кто сватался. Чай, помниши Лексея Жукова? Вот он все ходил из соседней деревни да окна наши глазами жг.

Тятенька уговаривал: «Иди за него, в пальте ходит кожаном, сапоги новые».

А мне не нравился он.

Раз пришла с реки под вечер, бельишко на веревки раскинула, а тятенька вышел, говорит, сваты у нас. Я ничего не сказала, ушла в горенку, сижу. Тятенька покликнул через час: пойдем, сладилось у нас, я уж и денег дал на свадьбу. А я уперлась — и ни с места, не пойду за него, хоть убейте. Так как же, тятенька говорит, пойди тогда хоть деньги назад забери. Не я давала, отвечаю, не я и возьму. Плюнул он да и ушел.

Да-а... Потом Лексей-то взял мою сестру, Катерину. Всю жизнь прожили, да только, думаю, не было промеж них любви. Никогда он ее по имени не называл: все сама, или хозяйка, или мать. И она его тоже ни разу Алексеем не почестила. Непорядок так-то.

Ну а я своего Михаила сама выбрала, по сердцу пришлась. Да только все равно можно бы и подождать. По глупости, думаю, вышла.

Хозяйство у нас было большое, а помощников-сыновей у тятеньки ни одного. Сердился он за это на маму. Четыре девки, а я старшая. Не жалел меня тятенька, с тринадцати лет с ним и в поле, и на сенокосе, и в лесу; к восемнадцати годкам я и выдохлась, и замужество стала подумывать: отдохнуть хотелось, на своей воле пожить. Ну и пожила, — засмеялась свекровь. — В дому-то, кроме мужа, еще три мужика — два брата его да свекор. Уж сколь я рубах да портока перестирала да на реку вывозила! И на дворе у мужиной родни было густо: лошади, коровы, другая живность. Все и пошло через мои руки. Ведь мужики-то по первому снегу каждый год на своих лошадях отбывали в Тата-

рию либо к чувашам, да, вот в какую даль! Катали они были, валенки там катали, на месте-то. Всю зиму, приезжали перед концом санного пути. Вот и разворачивалась! Дома-то хоть тятенька с маменькой помогали. А здесь? Когда Елена, первая-то, народилась, я Михаилу и сказала: «Все, невмочь больше, давай отделаться».

Отделили нас, дом купили, вот на этом месте и стоял, длинный такой был, старый...

Свекровь помолчала, поглядела на дом. Они тогда лук обрезали с Татьяной. Сидели на разостланных фуфайках на лужке, выбирали лук из больших круглых корзин, ножницами обстригали высохшие перья, и росла на ряде горка золотистых, похожих по форме на репу, луковиц. День ветром, солнцем не-жарким радовал, и свекровь сидела без платка, седые волосы шевелились на голове.

— А уж этот, новый-то, в пятьдесят девятом году огоревали. Хозяин с войны не вернулся. А мне думалось: хоть один сын да останется со мной жить. Вишнь, дом-то большой, высокий. Можно было бы и поменьше, и пониже, как бы знать, что одна в нем останусь, да теперь не обрежешь, ис пристукнешь. А строили как? — опять улыбнулась. — Плотники видят — одна баба, думали обмануть. Многонько еще недоделали, а собрались уходить, вроде как устали. Ну, инструмент оставили.

День нет, и другой нет, и неделю нет! А уж осень подкатывает, скоро польет — понесет. Я нервничаю. Потом прислали одного, самого молоденького, за пилами-топорами, мол, на три дня задержимся еще, подряд небольшой подвернулся, а потом и у тебя завершим все. Да меня Господь, знать, надоумил; нет, говорю, ничего не отдам, ни последнего молотка. У меня закончите — а там воля ваша.

Ушел, а на другой день и приплелись. Все сделали по договору, я расплатилась, с миром разошлись.

Вся душа у меня в этот дом положена, — вздохнула свекровь. — Каждая лесина через сердце прошла, каждый сучок в стенах помню, все глазами да руками обласкано. Помнишь, смерч набедил по нашей стороне? Страху я патерпелась! Как загудело, зашумело, заходил ходуном мой дом! Я пошла в огород к бане и ни разу не оглянулась. Думала, как рухнет он — я не выживу. Легла в борозду меж гряд. А когда утихло, подняла голову и в голос заревела: цел дом, стоит!

Помолчали.

— А после войны никто к тебе в мужья не просился?

— Ну как же? Приходили. Сиживали и на крыльце, и под сиренями на лавочке. Да не до них было, и не помышляла ни о каком другом замужестве. Детей бы вырастить — вот о чем думала...

Татьяна, по-видимому, все же задремала, и разбудил ее не-громкий, осторожный стук в окно. Пока она надевала, застегивала халатик, стук повторился, и Татьяна, приглаживая волосы, побежала к окну.

Никого не было в палисаднике, и утренняя улица была пуста. Солнце уже поднималось, от ночного дождя остались только влажная земля на дороге да мокрые сирени. «Вот уж поистине, — машинально отметила Татьяна, — весна да осень — перемен восемь. Да кто же стучал-то?» Она выглянула в другое, боковое окно и вдруг, испуганно оглянувшись на мужа, даже к кровати попятилась. Ведь это мама стучала! Ее душа тревожится, здесь, мол, я, не забывайте.

Татьяна знала бытующее поверье о том, что души умерших сорок дней живут на земле и навещают свое жилище. И опять пожалела свекровь. Будет приходить сюда ее душенька и грустить в пустом доме. Приедут ведь они в отпуск только через месяц.

Хотя и было рано, Татьяна больше не легла, оделась, тихонько вышла через двор в огород. Здесь свежо и душисто пахло мокрой сливовой корой, листьями черной смородины, яблоневым цветом. Большая часть земли была засажена картошкой, она еще не взошла. На грядках ярко зеленел лук-батун, темно-зеленой стенкой стоял чеснок, посаженный с осени. «Огурцов нынче не будет, жаль. Ухаживать и поливать некому», — подумала Татьяна. И снова, как живой, услышала она голос свекрови: «Ты, Танюша, когда огурцы поспевать начнут, не посыпай девчонок их обирать, сама это сделай. А то давечка пошли они с ведром, слышу, только шум поднялся в гряде. Не любят огурцы такого обращения. И баню плотно не прикрывайте, пусть проветривается от сырости, а то скоро полы да стены сгниют. Поберегайте, вам все это пойдет».

Дом, огород, баня — все говорило с ней голосом свекрови, и Татьяна расплакалась, чувствуя, что во многом она виновата перед умершей.

В последние годы она была суровой, требовательной, капризной, и Татьяна часто обижалась на нее.

Особенно раздражала Татьяну фраза, много раз повторявшая свекровью: «Уж за такой-то дом можно меня и поддержать зимами в вашей квартире».

— Да что ты? Не чужие мы тебе. А уж если на то пошло, так и не нужен мне твой дом! — однажды в запальчивости крикнула Татьяна.

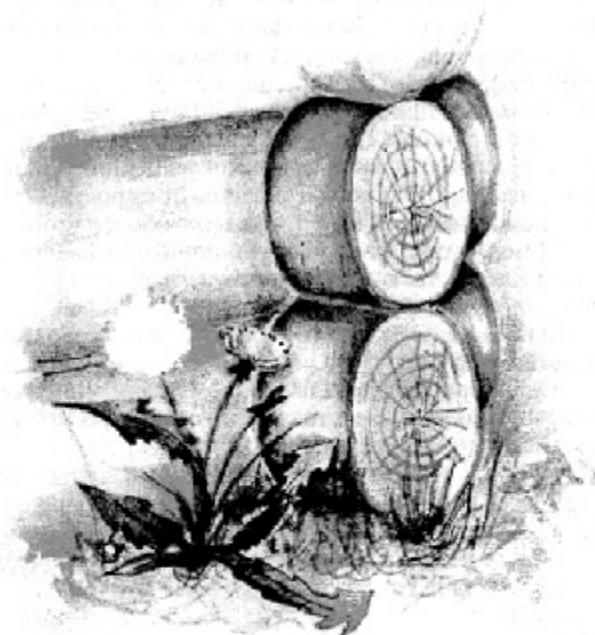
— Тебе не нужен, мужу твоему потребуется да детям, — спокойно возразила свекровь.

«Мне бы помолчать тогда, пощадить старого человека», — с запоздалым раскаянием подумала Татьяна.

Она оглядела теперь уже им принадлежащее хозяйство. Радости не было. Только сейчас поняла Татьяна, что свекровь оставила им в наследство не просто дом. Она оставила свое видение мира, свою жизнь, свои заповеди, по которым жила: растиль детей, блюсти дом, быть терпимым человеком для соседей. Только теперь поняла Татьяна, чём был Дом для свекрови и какая ответственность за него ложится на них, новых хозяев. Он стал не просто местом, куда они все приезжали летом на месяц-другой отдохнуть от городской суеты и которое потом легко оставляли, зная, что и присмотр за ним будет, и полы покрасятся, и печка побелится ко времени, – отныне все предстояло делать им самим.

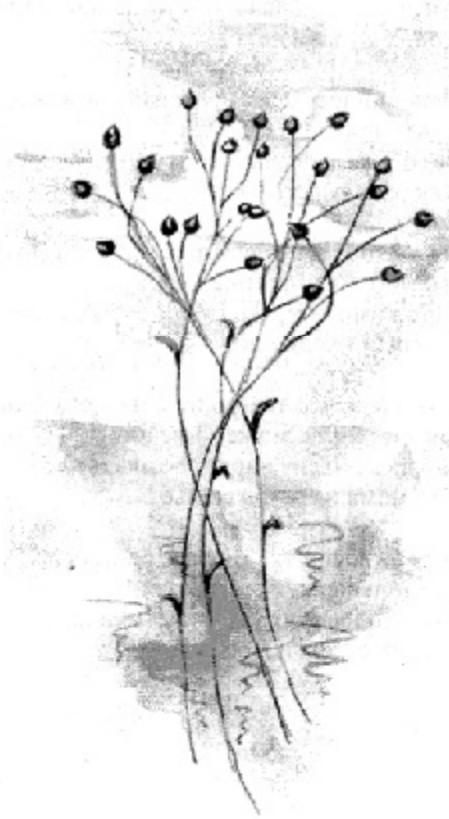
«Ничего, – постепенно успокаиваясь, подумала Татьяна. – Скоро приедем, и опять оживет наш дом. А пока он стоит – и маму помнить будут. А вот чтобы он был крепким и не старился как можно дольше, чтобы в него заходили так же охотно, как и при маме, чтобы он был теплым и приветливым, зависит теперь от нас и наших детей».

Она насухо вытерла слезы, окинула взглядом зеленые дали за изгородью и пошла в дом будить мужа. Надо было собираться.

Такая приходит пора

СТИХИ

Кукушка кукует

Кукушка кукует, гадает, колдует
Над чьей-то весенней судьбой.
Кукушка, кукушка, лесная подружка,
Давно мы расстались с тобой.

Спилили березу, где ты куковала,
Где нас обнимала заря,
Где мне, несмышеной, тогда нагадала
Добра и удачи не зря!

Исполнилось все. Я на жизнь не в обиде,
Хватило и смеха, и слез –
Без них ведь и счастья порой не увидеть,
Как радугу летом без гроз.

На пне потемневшем зеленый лишайник,
В глубоких морщинах коры,
Мне жизнь открывает последние тайны –
Такая приходит пора...

Как жаль, что теперь не могу погадать я
На «чет» или, может, «нечет»,
Когда я надену нарядное платье,
Что мама из ситца сошьет...

Березкою внучка моя подрастает.
Ты дольше, кукушка, живи!
Твой голос знакомый пусть ей нагадает
Удачи, добра и любви.

Цветы

Сорвали, бросили цветы,
На утреннем асфальте сером,
Лишившись свежей красоты,
Они лежат осиротело.

Вот наступил один, другой
На венчик в золотистых жилах,
Он слабо хрустнул под ногой,
Ни закричать, ни встать не в силах.

Не в вазе тонкого стекла,
Где воду каждый день меняли, –
В пыли, от боли, без тепла
Цветы покорно умирали...

Понятным вряд ли станет нам,
На что способны мы порою:
По красоте, как по камням?
Зачем же под ноги – живое?

Жаркое лето

Уже июль. Отпели соловьи,
Все реже откликается кукушка.
Перепадают светлые дожди,
Грибы выходят с ночи на опушку.

Тугие, словно парус, облака
Медлительно плывут над жарким лугом,
Глубокая спокойная река
Прохладой свежей радует округу.

На чердаке под крышею светло.
У ласточек, из гнездышка слетая,
Птенцы несмело пробуют крыло,
Веселым писком воздух оглашая.

В деревне к ночи – тонкий стукоток:
На завтра дружно отбивают косы,
Спеша с зарею накосить на стог,
Пока не высохли скучные росы.

Июль. Теплынь. Душистые ветра,
И, как подсолнух, дозревает лето.
Земля богата, красками пестра,
Но август близко, на подходе где-то.

* * *

У бабки Поляшки четыре дочери.
По зимам брали все старушку в очередь.
Но в шумном городе, средь модной мебели,
Уюта теплого ей как-то не было.
Ночами долгими, лишь сном забудется,
Как наяву, в глазах родная улица.
Брела по тропочке к колодцу с ведрами,
Подругам кланялась с словами добрыми.
Гремя ухватами, возилась с печкою
Да шла молоденькой над тихой речкою...
А нынче осенью ждала, ждала детей,
Но, видно, выдались у них дела важней.
Что недосказано, что недоделано
И что не прожито – какое дело им!

Еще одна свеча недогоревшая,
Еще одна изба осиротевшая.

Отзвуки

Благословены лето, отпуск, зной,
Простые мысли и дела просты!
Ничем не перегружен разум мой,
Перебираю ягоды лесные.

Какие-то травинки, иван-чай,
Хвоинок стрелки рыжие прилипли.
Мурашик бойкий выполз – догоняй!
А вот улитка вялая поникла.

Кипит варенье, кружат две осы.
Парок душистый над кастрюлей вьется...
Спокойные-спокойные часы.
Я знаю: это время отзовется.

Я знаю: где-то посреди зимы,
Забот, простуды, просто утомленья,
Придя с мороза, чай поставим мы
И будем пить с малиновым вареньем.

И кто-то улыбнется всем, сказав:
«А мне хвоинку лесовик подбросил!»
И вдруг повеет ароматом трав,
Горячим полднем, гулом старых сосен.

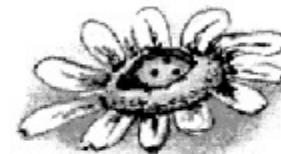
В июле

Пахнут руки сеном и малиной,
На столе в стакане тонком мед.
Лето на вторую половину
Потихоньку к августу идет.

Днем в венке – на жарком сенокосе,
Ночью – спит на молодых стогах,
За спиной в котомке пестрой носит
Все, чем месяц славен и богат.

Полыхают по ночам зарницы,
Зреет рожь. Страна недалеко.
На долу парной туман клубится,
Густо-белый, словно молоко.

Лето, лето! Воды теплой речки,
Щедрые, спокойные леса...
Что ж ты ни единого словечка
В это лето мне не написал?

* * *

Земля родная! Запах спелой ржи.
Речушки мелкой бег неторопливый.
Над церковью, как молнии, стрижи,
Да шум березы над родной могилой.

Играют внуки. Как им долго жить
Под этим добрым благодатным небом!
Все – с прошлым связь, и в будущее нить,
И завещание идущим следом.

Деревенские женщины

На скамейке женщины рядом
За беседой тихой и степенной.
Все в платочках белых узелком,
Говорят раздумчиво, напевно.

Имена не звучны. Не модны
Старенькие кофточки и платья.
Руки грубоваты и темны,
Ни былой подвижности, ни стати.

Дарьюшка с Тонидою сидят,
Серафима, Парасковья, Настя...
Если б оглянуться им назад –
Чашка счастья и ведро напастей.

Не вернулись мужики с войны.
Ребятишек вдовы поднимали,
А еще с весны и до весны
На работах косточки ломали.

Все перетерпели... В городах
Счастливо живут сыны и внуки.
В отчём доме летом – как в гостях,
Не запачкать бы землею руки.

А седые матери глядят
На детей по-прежнему влюбленно,
Дом содержат, угодить спешат,
Топчутся, вздыхают сокрушенно.

И совсем, конечно же, не в счет
Одиночество в ночи осенней...
Только ими и жива еще
Русская страдалица деревня.

Житейская история

Не молода – и стала не нужна.
Не та фигура, и виски седые,
Перезабыта дальняя весна,
Когда поцеловал тебя впервые.

Считались дружной парой у людей
Не годы даже, а десятилетья,
Детей растили просто, без затей,
Одолевали вместе лихолетья.

Когда и как любовь его ушла?
Не верится, что сразу, в одночасье.
Должно быть, зависть черная жила
В той, что следила за открытым счастьем.

Так, мол, тебе! И юркий спрятан взгляд.
И шепоток подружек откровенный.
Ты от беды, как от огня, назад
Качнулась, с болью острой и мгновенной.

Молве расправить крылья не дала:
Не плакала, не мстила, не кричала.
Вот только с той минуты не жила,
А просто молча годы доживала.

Кончается лето

Кончается лето, кончается,
Вода посвежела в пруду,
Теплей огоньки зажигаются,
Когда деревне иду.

Все раньше смеркается в августе,
Все ярче на небе луна,
Как будто к обещанной радости
Притронулась сердцем она.

Давай побредем за туманами,
Под этот серебряный дождь,
Где добрыми чудо-обманами
Наполнены поле и рожь.

Здесь разные тайны случаются,
Поверь, и увидишь тогда,
Как мне на ладонь опускается
Упавшая с неба звезда.

Кончается лето, кончается!
В прудах посвежела вода,
Но наша любовь продолжается,
И ей не страшны холода.

Русской деревне

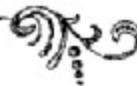
Ну где еще ветра такие,
Такое небо, облака,
Туманы теплые, густые,
В которых прячется река!

Какие клевера здесь зреют,
Какой на липах нежный цвет!
Вот только жители — стареют,
Пустеют избы. Деток нет...

* * *

В последние погожие деньки
Над всеми і расставит осень точки,
И побегут, печальны и легки,
По стеклам окон дождевые строчки.
Что в них прочту? Подумаю о чем?
О чем вздохну иль горько пожалею?
С кем выйду в это утро под дождем
В прозрачную кленовую аллею?
Асфальт свежо и чисто заблестит,
В студеных лужах небо отразится.
И что-то смолкнет, что-то зазвучит
В душе моей, усталой белой птице.
Последний лист фонариком мигнет,
О сроках просигналит неизбежных:
Вот-вот метель на город упадет
И закружит его в объятьях снежных.

Бабье лето

Бабье лето, бабье лето
Наступает в сентябре.
Полыхает желтым светом
Перелесок на бугре.

В чистом поле паутинки,
Словно сеточки, летят,
За травинки, за былинки
Уцепиться норовят.

Бабье лето, бабье лето,
Речек синие глаза,
Да ворчит некстати где-то
В небе поздняя гроза,

Не дает уснуть, тревожит,
А на сердце – буйный май!
Приходи скорей, хороший,
В чистом поле догоняй.

Уведу по той тропинке,
Где когда-то зрела рожь,
Оплету, как паутинка.
И захочешь – не уйдешь!

В незабытом перелеске
Загляну в твои глаза,
И хмельным ударит всплеском
Чувства позднего гроза.

Пусть с грустинкой радость эта,
Как осенние цветы...
Бабье лето, бабье лето
И зимою вспомнишь ты.

Старая фотография

На фотокарточке солдат в пилотке
И женщина в косынке кружевной:
У деда отпуск фронтовой, короткий,
У бабки праздник, отнятый войной.

Из сорок третьего глядят спокойно
На внучку, что сегодня старше их.
Свой век недолгий прожили достойно
И крепко спят в тени берез густых.

А мама мне поведала недавно
(До старости таила грех земной),
Что дед гулял с соседкой, рыжей Анной,
Здоровой, краснощекой, озорной.

Все бабка знала, все перетерпела,
Ничем не прогневила мужика...
Я так ее по-бабы пожалела,
И так обида сделалась горька,

Как будто я сидела у окошка,
В ночи шаги стараясь уловить,
Укачивая младшего, Сережку,
Моля у Бога силы, чтоб простить...

Кусочек жизни с пожелтевшей фотки
Вдруг властно, живо встал передо мной –
Два дорогих лица: солдат в пилотке
И женщина в косынке кружевной.

Ветер-листобой

А город мой светлеет на глазах:
По скверам ветер-листобой гуляет,
Хмельной, капризный, в рыжих волосах,
Себе ковры из листьев подбирает.

Вот золотой, березовый, лежит,
А тот с узором, красный – под рябиной,
Под клёнами – под сапожком шуршит,
Пружинит с мягким шумом – под осиной.

Один другого лучше и пышней!
Да не по нраву буйному гуляке:
В пруду утопит, бросит у дверей
Иль в клочья изорвет в осеннем мраке.

Опомнившись, со свистом, налегке
По улицам, разбойник, пронесется,
Но … редок лист, ни на каком станке
Половичка-дорожки не соткется.

Притихнув, грустно сидет у костра,
В который дворник листья подгребает,
И смотрит, как до самого утра
Очередная осень доторяет.

Параллели

Родимый край. Осенние туманы.
Белеет храм над сонною водой.
Над куполами птичи караваны
Летят, летят печальной чередой.

Непрошеною тоской сжимает грудь,
Когда одна из птиц перо уронит,
Иль прокричит тревожно что-нибудь,
Или отстанет от подруг. Догонит?

А вдруг ослабнут крылья на лету,
Или стрелок, на горе, встретит меткий,
Иль, для забавы, неба высоту
Забыть заставят в теплой, сытой клетке?

Нам, к сожалению, крылья Бог не дал.
Но все ж, как птицы, перья мы теряем,
И равнодушье бьёт нас наповал,
И в клетки золотые попадаем...

На стенах храма от берез узор.
Кипит листва, как золотая выюга.
И вот уже напрасно ловит взор
Клин, улетевший к горизонту, к югу.

Грешница

Я связана с тобою, мир земной,
Настолько прочно и нерасторжимо,
Что помышлять о сущности иной –
Такое – нет, ко мне не применимо.

Должно быть, мне покой не обрести,
В садах Эдема душу не спасу я:
Уйду от вас по Млечному Пути,
В высотах горных о Земле тоскуя.

Встречи * * *

Январь идет в сырых снегах тяжелых,
Не радует ни солнцем, ни морозом.
Лишь иногда под вечер прояснится,
Звезда повиснет в засиневшем небе
И мне блеснет приветно между тучек,
Едва-едва подкрашенных закатом,
Когда глаза я к небу поднимаю,
Усталая, с работы возвращаясь.

Но все-таки январь! Начало года.
Приделана кормушка на балконе,
И по утрам со всей округи птицы
Перед окном моим мелькают сетью,
Пирюют, подбирая на снегу
Остатки крошек, что столкнули сами
С кормушки в суматохе и галденье;
Птиц весело так близко наблюдать!

Пора копить в плетеную корзинку
Мне с лука золотистые одежки,
Чтобы в апреле в их густом отваре
Пасхальные яйца покрасить щедро,
Сходить к торжественной вечерне в церковь,
Их с теплою молитвой освятить
И отнести в Христово воскресенье
К родным могилам, как велит обычай.

Светает раньше, чуть поздней темнеет,
Повеселей поет в кустах синица,
Коты уже воют за углами,
Внезапным воем испугав прохожих.
Неуловимо что-то изменилось
В порывах ветра, в мельтешенье снега...
И многое еще я прочитаю
В раскрытой белой книге января.

День святого Валентина

Сегодня День святого Валентина.
Не утро жизни и не половина,
Возможно, виден красшеск ужс,
Но я тебе в любви признаюсь снова,
И снова будет юным это слово
Теперь, у двух веков на рубеже.

Сегодня День святого Валентина,
Давно слились две жизни воедино,
И я с тех пор судьбу благодарю
За то, что встречу солнышко с востока
И что под вечер провожу зарю.

Сегодня День святого Валентина.
Душа моя, вторая половина,
Дыхание второе – это ты.
Мне без тебя не жить, не видеть неба,
Мне без тебя – как без воды, без хлеба –
Не одолеть в дороге ни версты.

* * *

Любe

А зими как будто не бывало.
Будто не мело – не заметало
От тебя ко мне неясный след.
Пухлые сугробы похудели,
К северу снежинки улетели,
Никаких ориентиров нет.

Буду ждать седую зиму снова:
Может, на снегу оставишь слово,
Или стрелку, или знак другой,
Чтобы я напрасно не плутала,
Чтобы днем со свечкой не искала
На Земле тебя, мой дорогой.

* * *

Зима прошла. Такое дело!
А я, представьте, не успела
Налюбоваться на снега,
Отдать синицам ломтик сала
(Что я его не привязала
К кормушке? Зря проберегла).
В деревню съездить, дом проведать,
Возиться с печкой до обеда,
А после посидеть в тепле –
И это тоже не успела,
Зима, как птица, пролетела,
Лишь тень мелькнула на стекле.
Куда же время убежало?
Ведь я еще и не живала,
Как много надо бы успеть!
Но разлились снега ручьями,
Синицы корм отыщут сами,
И дому без меня стареть.

* * *

Я на тебя смотрю опять,
Нет, не в глаза, а со сторонки.
Должно быть, сердцу замирать
До старости, как у девчонки.

Все собираюсь каждый раз,
Но о любви сказать не смею,
Хотя давно переплелась
Твоя судьба с судьбой моей.

Вот и сегодня промолчу,
Тихонько рядышком присяду,
К родному прислонюсь плечу,
И больше ничего не надо.

Пусть за окном ветра шумят,
Нам не страшна любая выюга,
Не зря же много лет назад
Мы сердцем выбрали друг друга.

Не потомуль нам жизнь дарит
Любви прекраснейшие сроки,
Когда молчанье говорит
Красноречивей слов высоких.

Звезда

Деревья стынут по ночам
В большой холодной полудреме.
Звезда над лесом, как свеча,
Горит, горит в небесном доме,

До света стережет покой
Вот этих елей и осинок,
Висит меж небом и землей,
Как огонек неугасимый.

И мнится: добрая душа,
Закончив круг земной юдоли,
Звездою вечности взошла
Над черным лесом и над полем...

За каждый шаг нам отвечать
В Пределах Вечного Покоя –
Живите так, чтоб засиять
В конце пути ночной звездою.

Не утверждайте сгоряча,
Что ничего не остается:
Погаснет на земле свеча –
На небе звездочка зажжется.

Я выйду на крыльце – и захлебнусь
Душистым ветром вызревшего лета!
Со всех сторон меня обступит Русь,
Дождем умыта, солнышком прогрета.

Она от дома поведет тропой
К недальней речке с золотой кувшинкой,
Ромашки сгрудят праздничной толпой,
Зальется колокольчиком-смешинкой.

По деревенской улице пройдет
Старушкой тихой с добрыми глазами,
«Бог в помощь!» – поклонясь, произнесет
Мне, занятой неспешными делами.

Ребенком милым глянет на меня
С простыни белой, брошенной на травы,
Усталая, присядет у пестня,
Заворожит раздельной песней старой.

По-женски пригорюнясь, загрустит
О луге, зарастающем травою,
О поле, что невспаханным лежит
Да пахнет лебедой, а не хлебами.

А ночью встанет полною луной,
Зажжет звезду у Божьего причала
Над милой захолустной стороной,
Что перемен счастливых ждать устала.

Иван-чай

Иван-чай – нерадостный цветок,
Любит пустыри и пепелища.
Чуть беда – пускает он росток;
А потом пылает, как кострище.

Сильные, живучие цветы
До морозов царствуют в буряне.
Только призадумашься ты,
Не поставишь в кринке иль в стакане.

Суеверно скажешь: «Чур меня!
Боже, сохрани мою деревню,
Дом мой от недоброго огня,
От безлюдья и от запустенья».

* * * *

Детей бросают.
Святость брачных уз
Осмеивают пошлостью.
Открыто изменяют.
Что конфуз,

Когда забыли слово «неприлично».
Позорное сожительство теперь
Гражданским браком
Модно окрестили.
Перед любовью закрывают дверь.
Ответственность бездумьем заменили.
Храни, Господь, того,
Кто в наши дни
Не очернил и не растратил души.
Пусть будущность
Наследуют они,
Твоих святых законов не нарушив.

* * *

Раскинув руки, в травы упадешь,
И будет только небо над тобою.
Но ты и в нем легко меня найдешь:
Я синей тучкой солнышко закрою,

Я ласточкой щебечущей промчусь
И, может быть, коснусь тебя крылами.
Росой медянной на лицо прольюсь,
Прильну к губам купальниц лепестками.

Снопом ромашек лягу в головах,
Чтоб ты, усталый, отдохнул спокойно,
Цветком дремы качнусь в твоих глазах —
Полоской розоватой в небе знойном.

Я стану всем, мой милый, для тебя:
Цветком и ветром, тучею и птицей.
Ведь очень просто, всей душой любя,
И в небо взмыть, и по земле стелиться.

Стрижонок

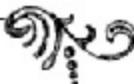
Дочери и внучке

Птенца нашли с поломанным крылом,
В полете первом подвела силенка.
Вы унесли в платочек носовым
Живую душу, птичьего ребенка.

«Не выживет в неволе все равно, —
Сказал прохожий, хмурый и усталый. —
Без неба птице жить не суждено,
А уж стрижку и вовсе не пристало...»

Я вас учила правду говорить,
Но вот теперь, пожалуйста, солгите,
Что жив стрижонок, начал есть и пить,
Срослось крыло, что отпустить хотите.

И я поверю: он среди друзей
В стремительном и радостном круженье
Звенит, звенит над крышею моей!
Пусть это будет ложью во спасенье.

Стога

На усадах чисто, словно в горнице,
Прибранный умелыми руками.
Под луной стога стоят как звонницы,
Тронь – и загудят колоколами.

Полнится покоем ночь погожая,
Спит деревня, третьи сны считает.
Цепь стогов, что с силой ратной схожая,
Пору сенокосную венчает.

И плывут, плывут стога духмяные
В серебристых облаках тумана,
Чуточку тревожные и странные,
Словно на картине Левитана.

* * *

Угомонилось, попртихло лето,
От буйства красок, от жары устало.
Все чаще небо в облака одето,
И что-то грустно вечерами стало.

Не раз уж лето на рассвете белом
В обильных росах до колен промокло.
В крутых стогах, на сене пожелтелом,
Кой-где цветочки проступают блекло.

Однажды утром ощутишь потерю:
Исчезли ласточки, родные птицы!
И вот теперь, пожалуй, я поверю,
Что осень за окольцей таится.

Новый дом

В неперспективной деревушке
Впервые за десятки лет
На видном месте, на горушке
Надумал ставить дом сосед.

Качали бабки головами,
И удивлялись старики:
«На кой ты ляд связался с нами,
Здесь молодым жить не с руки».

Поудивлялись и решили:
«Знать, деньги некуда девать»
А уж стропила возводили,
Уж можно крышу покрывать.

«А все-таки, почто не сладил
Поближе к городу домок?» –
«Да очень просто это, дядя:
Однажды дал себе зарок –

Поставить дом на том подворье,
Где бабка некогда жила,
Чтоб было в памяти подспорье
И для семьи, и для села.

Ну а деревня – возродится!
Всё возвращается назад:
Раз к гнездам прилетают птицы,
То к вам и дети прилетят».

Сказал и весело забухал
По свежим бревнам топором.
И каждый вдруг воспрянул духом,
Раз есть в деревне новый дом.

Ночной дождь

Дождь тихо шепчет за стеной
Одно и то же.
И я с тобой, и ты со мной –
Мы так похожи.

Шушукается в листьях дождь,
Стекает в травы,
И я пойму, и ты поймешь –
Мы оба правы.

Ударит капелька в стекло
Слезинкой малой,
И что-то трудное ушло,
И легче стало.

А утром солнце ступит вновь
В златое стремя:
Ненастным дням (жива любовь!)
Еще не время.

* * *

Звездное небо огнями горит,
Месяц серебряный блещет.
Чуткая ночь над деревней стоит,
Лист ни один не трепещет.

Тянутся к звездам безмолвно кусты,
Завороженные светом.
Всем существом ощущаешь и ты
Голос с призывом – приветом.

Кажется, кто-то на Млечном Пути,
Тысячи лет ожидая,
Способы ищет общенье найти,
Больше терпеть не желая.

Может быть, в августе не звездопад,
А, в нетерпенье сгорая,
Братья по разуму с неба летят,
Огненный знак подавая.

Молитва

Славлю я Господа сущего
За каждый прожитый час,
За ломть хлеба насущного,
Что есть на столе у нас.

Благодарю тебя, Отче наш,
За храм, где душа не спит,
Где силу, и веру, и разум дашь,
Где даже и боль не болит.

Ты укроти нам желания,
Грехи и сомненья прости
Да защити от страдания
На бренном нашем пути.

Оборони от лукавого,
От искушенья отринь,
Не наказать и неправого
Воля твоя. Аминь!

* * *

Говорят, что я в стихах, мол, повторяюсь.
Говорят, что ничему не удивляюсь.
Это я не удивляюсь, я?!
Да ни одной строки не написала,
Если бы меня не удивляла
Каждая минута бытия.

Стихи Зои Чалуниной
из книги «Любовь и счастье»
издательство «Молодая гвардия»
1986 год

Стихи Зои Чалуниной
из книги «Любовь и счастье»
издательство «Молодая гвардия»
1986 год

Стихи Зои Чалуниной
из книги «Любовь и счастье»
издательство «Молодая гвардия»
1986 год

* * *

Горит, горит моя свеча,
Горит, пока еще не гаснет,
Еще не кончен жизни праздник,
И вдаль река бежит журча.

Но уж не раз сгущалась мгла
На перекрестках – перепутьях,
Уже не раз по тонким прутьям,
А не по бревнышкам я шла.

И все ж пока я у руля.
Еще река не обмелела,
Еще свеча не дрогорела,
А под ногой тверда земля...

Содержание

ОСЕННИЕ ТЕПЛИНКИ, повесть	3
Родные места	4
Прудок	5
Ледиши	6
Картошка	7
Теплинки в Березках	9
Мама	10
На последней парте у окна	12
Одна неделя	13
Елка в школе	14
Рождественские дорожки	15
Тили-тили тесто	18
«Янтарное ожерелье»	19
И озорные бывали забавы	20
Грустная Пасха	21
Экзамены	23
Прощальные каникулы	24
ПОСИДЕЛКИ, рассказы	27
За рекою соловьи	28
Санина песня	31
Скважина	33
Наличники	38
Ночной выстрел	41
Ласточка	44
Балагур	48
Хлеб приехал!	51
Десятка	52
Корова	53
Монолог	56
Рыжий и Серый	58
Серафима и Александро	61
Чужие караси	63
Дом	68
ТАКАЯ ПРИХОДИТ ПОРА, стихи	73
Кукушка кукует	74
Цветы	75
Жаркое лето	76

«У бабки Полюшки четыре дочери...»	77
Отзвуки	78
В иполе	79
«Земля родная! Запах спелой ржи...»	80
Деревенские женщины	81
Житейская история	82
Кончается лето	83
Русской деревне	84
«В последние погожие деньки...»	85
Бабье лето	86
Старая фотография	87
Ветер-листобой	88
Параллели	89
Грешница	90
«Январь идет в сырых снегах тяжелых...»	91
День святого Валентина	92
«А зимы как будто не бывало...»	93
«Зима прошла. Такое дело!...»	94
«Я на тебя смотрю опять...»	95
Звезда	96
«Я выйду на крыльце – и захлебнусь...»	97
Иван-чай	98
«Детей бросают...»	99
«Раскинув руки, в травы упадешь...»	100
Стрижонок	101
Стога	102
«Угомонилось, попрятало лето...»	103
Новый дом	104
Ночной дождь	105
«Звездное небо огнями горит...»	106
Молитва	107
«Говорят, что я в стихах, мол, повторяюсь»	108
«Горит, горит моя свеча...»	109

Зинаида Ильинична Чалунина

ЗА РЕКОЮ СОЛОВЬИ

Издания Костромской областной писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:

156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.

Костромская областная писательская

организация. Телефоны: 31-21-09, 31-35-02.

Web page: <http://www.kosnet.ru/~bam>

Композиция, обложка, общее и художественное
редактирование — **М.Ф.Базанков**

Техническое редактирование, компьютерный
набор и оригинал-макет — **Т.М.Базанкова**

Корректура — **Н.Т.Перетягина**

Издатель и автор благодарят за долевое участие в финансировании издания профком Костромской ГРЭС (Алексакин А.Г.), трубный завод (Савельев А.Г.), генерального директора ИК «Три-си» Шленского С.А., предпринимателя Смирнову Н.А., администрацию г. Волгореченска (Шадричев А.В.).

Сдано в набор 11.08.2001. Подписано в печать

15.10.2001.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. л. листов 7. Заказ № 5991.

Тираж 600 экз.

Отпечатано в ГУП «Областная типография им. М.Горького»
департамента по делам телерадиовещания, печати и массовой
информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.